

Анна Морская

ШПИОНКА

ДЛЯ МЕНТАЛИСТА

Любить (,) нельзя (,) убить!

Анна Морская

**Шпионка для менталиста.
Любить (,) нельзя (,) убить!**

«Литнет»

2026

Морская А.

Шпионка для менталиста. Любить (,) нельзя (,) убить! /

А. Морская — «Литнет», 2026

От меня требовалось выполнить задание и исчезнуть, но что, если правда отличается от того, во что я верила? Всю жизнь я думала, что мир очень прост: черное и белое, ужасные жизнетворцы Конклава, и наш орден, существующий ради избавления от этой грязи на лице континента. Но что, если самое главное зло, один из шести дияров, контролирующих пустоши, пугающий и властный, окажется не монстром, а единственным человеком, который даже за ложной личностью увидит меня настоящую? Что, если я не захочу выполнять задание, но не смогу от него отказаться, пожертвовав жизнью единственного близкого человека? Чудовища? Хах. Если честно, то я и сама... Однотомник, обязательный ХЭВ тексте вас ждут: ♥# Сцены 18+ ♥# Властный, но адекватный герой ♥# Постепенное (но не слишком) сближение героев ♥# Чувства, которые рушат стены ♥# Авторский магический мир Книга является частью цикла, но произведение самостоятельное. Читать можно в любом порядке.

© Морская А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	47
Глава 17	50
Глава 18	53
Глава 19	56
Глава 20	59
Глава 21	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

Была ли у вас когда-нибудь мечта, дающая силы двигаться вперед несмотря ни на что? Всегда завидовала людям, у которых она есть.

Стоя у окна, я мрачно смотрела, как проезжают мимо экипажи, прорываясь сквозь стену проливного дождя. До оскомины знакомый пейзаж опустел от непогоды, и все же оставался слишком живым для меня.

Дверь за спиной тихо скрипнула, и слух уловил легкую поступь, владелицу которой мне не составляло труда узнать по одному только звуку.

На плечо осторожно легла девичья рука, и только тогда я резко обернулась, оставив руки сложенными на груди.

— Дэйдре, — негромко произнесла моя единственная подруга, девушка, с которой мы делили эту комнату вот уже семь лет, а дружили и того больше. — Тебя вызывают к управляющей.

Молча кивнув, я подошла к кровати и запустила под нее руку, чтобы найти ботинки.

Кто бы мог подумать, что в орденском пансионе мне доведется встретить человека вроде нее? Лирайна не подходила этому месту, про таких говорят — тонкая и звонкая, даром что всегда лучшая на занятиях по самообороне и на очень достойном уровне владеет несколькими видами оружия. Ни такие навыки, ни все остальное, чему нас учили, не сделали из нее жесткого и тем более плохого человека.

У меня мечты не было, поэтому Лирайна когда-то давно поделилась со мной своей. Семь лет назад мы усмаслили Каргу, управляющую пансиона, и та позволила нам жить вместе.

С тех пор, клянусь, буквально каждую ночь мы засыпали, фантазируя, какой будет жизнь после окончания контракта. Когда мы отдадим долг ордену, получим свои подъемные и будем жить как обычные люди.

Однако, как бы ни была глубока наша связь, даже ей я так и не смогла рассказать о своей тайне. О кошмаре, который месяц назад сделал мою и без того не слишком ценную жизнь полностью никчемной.

Лира думала, что я переживаю о предстоящем задании, и мне не хватило характера объяснить настоящую причину, по которой я теперь не сплю ночами.

Не дождавшись от меня ни слова, Лира тяжело вздохнула, перекинула через плечо внушительную русую косу и прислонилась спиной к стене.

— Дэя, ты лягушку проглотила? — она поморщила точеный нос. — Правда хочешь уехать вот так, не поговорив нормально?

Сев на кровать, я надела ботинки и принялась их сосредоточенно шнуровать, не поднимая взгляда.

— Не о чем нам разговаривать. Если вернусь, тогда и поговорим.

Лирайна не выдержала, и резким шагом пересекла нашу скромную комнатушку, оказавшись рядом.

— Дэйдре, ты боишься? Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

Все да не все. Хотя месяц назад и было так, как она сказала.

Удивительно, как сильно все может изменить одно проклятое утро.

— Боюсь, но не задания, — я подняла на подругу взгляд. — Мне надо идти, иначе с Карги станется отыгаться напоследок за опоздание.

Лира поджала губы, но знала, что управляющую нашего чудесного учебного заведения действительно лучше не злить. Вновь вздохнув, она мягко сжала в своих ладонях мои.

— Ты вернешься, Дэя, никаких «если». Просто помни, что ты в десятке лучших, а еще, что у тебя есть я.

Губы невольно тронула улыбка, хотя мне казалось, что я уже никогда не буду на нее способна.

— В десятке — это не на первом месте, как ты, — я встала с кровати. — Но да, не переживай, я помню, что у нас большие планы.

— Вот это больше похоже на мою Дэйдре, — улыбнулась Лира. — Все у нас будет хорошо, надо только постараться немного.

Только Лирайна могла определить пятнадцатилетний контакт как «немного», но за этот оптимизм, наверное, я и ценила ее долгие годы.

Дверь в комнату резко распахнулась, и на пороге выросла фигура старшей гувернантки.

— Эшфорд! К управляющей, живо, — сухо произнесла она. — Я не пойму, тебе особое приглашение требуется?

Официально после церемонии выпуска, которая прошла вчера, она над нами власти больше не имела, но годы муштры брали свое, поэтому я рефлексивно склонилась в почти-тельном полупоклоне.

— Уже иду, дама Фелиция.

Разогнувшись, я решительно направилась к выходу, и сухопарая женщина отошла в сторону, чтобы дать мне дорогу.

Я не стала оборачиваться, только чувствовала спиной, как провожают меня два взгляда, один с тоской, другой — с колючей внимательностью.

В кабинете управляющей как и всегда пахло ладаном, после визита в это место у меня всегда болела голова. Однако войдя в него в этот раз, я и думать забыла о любых неудобствах, о своей проблеме, вообще о чем-либо, кроме человека, что сидел за столом управляющей, тогда как сама она почтительно стояла рядом.

Сердце учащенно забилося.

— Граф Варинтон, — я склонилась в глубоком поклоне. — Для меня честь снова встретиться с вами!

— Дэйдре Эшфорд, — произнес он мягко, — ты больше не пансионерка, выпрямись.

Спина в ту же секунду разогнулась, будто по команде, но внутри все онемело от дурного предчувствия. Что за задание меня ждет, если в пансион явился лично граф Корвин Варинтон, глава ордена, тот, кого весь наружный мир считает мертвым?

Для него посетить столицу — страшный риск, и все же, он сидел прямо передо мной.

Безупречный, с хищным орлиным носом и низко посаженными бровями, почти такой же, каким я запомнила его в детстве. В тот день, когда этот человек подобрал меня с улицы и привез в этот пансион.

— Присядь, — граф указал на стул, стоявший прямо напротив массивного дубового стола.

Не чувствуя ног, я подошла и села, куда велено. Внутренности скрутил липкий страх: вдруг он знает?

Однако граф Варинтон ни о чем не догадывался, он лишь протянул мне массивную стопку бумаг, сверкнув перстнями в свете шаросветов.

— Здесь все, что тебе необходимо знать к завтрашнему утру, Дэйдре. Если вкратце, тебе необходимо проникнуть в резиденцию любого из дияров, собрать его генетический материал и... — он сделал паузу и извлек из кармана маленький пузырек, — протестировать вот это.

Смятение отступило перед тем, к чему меня готовили много лет. Распрямив плечи, я взяла бумаги и флакон.

— Что это такое? — спросила я, рассматривая пузырек с прозрачной жидкостью.

— Экспериментальная хворь, только для жизнотворцев, тебе ничто не угрожает, — пояснил граф. — Все подробности найдешь в бумагах.

Я едва не сделала самую большую ошибку в своей жизни, чуть не рассмеялась ему прямо в лицо, но все же смогла сдержаться и деловито уточнить:

— Болезнь смертельна?

— Эта — нет, — покачал головой мужчина. — Но от тебя потребуется изучить реакцию дияра, если она будет вообще. Мы надеемся, что будет.

— Я должна дать это дияру? — мои брови поползли вверх. — Но если меня раскроют, это верная смерть! Никто даже разбираться ни в чем не будет, сразу казнят.

— Тогда сделай так, чтобы тебя не раскрыли, — мило улыбнулся граф Варинтон. — Уж постарайся Дэйдре, нам нужны эти сведения.

Не был он «добрым дядей», отнюдь, с возрастом я это поняла. Однако же по-прежнему оставался человеком, который дал мне все.

Сжав флакон в кулаке, я твердо произнесла:

— Я вас не подведу, граф Варинтон. Не подведу орден, можете быть уверены. Но...

— Но? — вскинул бровь он.

— Почему для такого важного задания выбрали меня? — я замялась. — Разве не стоит отправить кого-то опытнее? Мы ведь только выпустились.

— Потому что для этого задания идеально подходишь именно ты, — холодно улыбнулся граф. — Не задавайся лишними вопросами, лучше ступай и изучи бумаги, что я тебе передал. Отправляешься утром.

Медленно встав, я снова поклонилась, но уже не столь почтительно, в соответствии с новым статусом.

— Тогда прошу меня простить.

Я направилась к выходу, однако у самой двери граф Варинтон окликнул меня:

— И еще, Дэйдре... помни, кто дал тебе все. Не позволяй сомнениям сбить тебя с пути.

— Никогда не забуду, даже если захочу, — тихо произнесла я, не оборачиваясь, и вышла из кабинета.

Утром меня ждало первое задание, которое вполне могло стать последним.

В глубине души, может, мне даже хотелось, чтобы все закончилось так. Тогда никто бы не узнал, что в Дэйдре Эшфорд, которую растили с одной целью — стереть грязь Конклава с лица нашего мира, проснулся дар к жизнотворчеству.

Глава 1

Дэйдре

Три недели спустя я уже хмуро смахивала пыль с многочисленных стеллажей одной из резиденций Конклава, не забывая ежечасно проклинать случай, который привел меня именно сюда.

Из целых шести вариантов мне достался тот, который в бумагах пометили как *«крайне нежелательно»*.

Так вышло, что лишь резиденция дяря Альтериуса Эверила набирала персонал, а никак иначе мне в такое место попасть бы не удалось.

Нервно покусывая ногти, я не один день просидела в грязном постоялом дворе, пытаюсь придумать любую возможную альтернативу, и в результате все равно пришла наниматься сюда, к проклятым жизнетворцам-менталистам. Хуже просто не придумаешь.

Лирайна всегда убеждала меня, что в любой ситуации нужно искать плюсы, и кое-какой мне найти действительно удалось.

Дело в том, что резиденцию дяря Альтериуса всегда жаловали куда меньше остальных. Мало кому хотелось работать среди людей, способных прочесть тебя как открытую книгу, а то и заставить сделать что угодно против воли.

Именно поэтому прием на работу прошел неожиданно легко и быстро. Всего одна короткая беседа с камердинером дяря, и Торгард Виллис, довольно молодой человек с крепким телосложением, больше подходящим воину, передал меня на попечение главной горничной.

Пришлось, правда, назваться настоящим именем, иначе здесь меня быстро раскрыли бы, почувствовав ложь.

Честно говоря, тот разговор не слишком походил на собеседование, которое мне представлялось. Помню, как торопливо меня отвела в тесный кабинет камердинера горничная, и тут же унеслась по своим делам, не обмолвившись ни единым словом. Резиденции действительно не хватало людей.

— Значит, хочешь работать у нас? — Торгард постучал пальцами по столу, на котором я насчитала как минимум пять пустых чашек. — Как тебя зовут?

— Дэя, господин, — я почтительно и неумело склонила голову, как полагалось девушке из провинции, не обученной высоким манерам. — Я умею убираться и стирать, могу помогать на кухне, но не боюсь и более тяжелой работы...

Камердинер махнул рукой, прерывая меня:

— Это все понятно, разве пришла бы ты, не умея всего этого? Лучше скажи, почему именно к нам? В столице полно мест, где твои услуги оплатили бы не хуже.

Обескураженно захлопала глазами я вполне искренне. Где это видано, чтобы наниматель задавал такие вопросы и даже не намекал, а прямым текстом заявлял, что есть работа получше чем та, что он предлагает?

Торгард мою растерянность понял по-своему и, тяжело вздохнув, пояснил:

— Ты молода и хороша собой, такие как ты редко приходят к нам за подобной работой. Если ты рассчитываешь познакомиться с дярем и провести с ним ночь за вознаграждение, это можно сделать намного проще. Просто подай официальное прошение, мы проведем обычную проверку и устроим вам встречу. Думаю, у тебя есть все шансы ему пригласиться.

Торгард смерил меня оценивающим взглядом, от которого в груди вскипело негодование. И вовсе не потому, что такую проверку я бы никогда не прошла, в ином случае орден приказал бы воспользоваться именно таким, очевидно самым простым способом приблизиться к дяря Конклава.

В материалах подробно описывался этот варварский обычай. Любая девушка могла прийти к дияру и просить за проведенную вместе ночь о чем угодно. Только вот тело ее после такой связи необратимо менялось, лишая возможности испытать влечение к кому-то еще. Хорошо хоть, что согласно все тому же обычаю ни один дияр не прикасался к женщине, если это не являлось ее желанием.

Другое дело, что всех кандидаток проверяли вплоть до третьего колена. Любая из подготовленных для меня легенд рассыпалась бы вдребезги.

— Вы ошиблись, — я скромно потупила взор, хотя на самом деле хотела бы процедить эти слова сквозь зубы. — Мне нужна простая работа и кров, больше ничего.

Убедившись, что скрытых мотивов у меня нет, камердинер Торгард пожал плечами и подписал указ о приеме на работу.

Признаюсь, что представляла себе пристанище богомерзких темных мастеров, совершенно иначе.

То, что реальность куда менее мрачна, чем нам преподносили на занятиях, я поняла еще в первый день в столице.

Вероятно, я сама куда больше походила на дикую варварку, затравленно озирающуюся по сторонам и всегда готовую защищаться, реагируя на любой шорох.

Город выглядел строгим и приземистым, будто выросшим из земли под низким небом пустошей, но обычным, как и люди, спокойно жившие свою обычную жизнь.

Да, местная архитектура отличалась от зендарийской воздушности, и жители не привыкли держать на лицах улыбку, как принято у нас. Но каким еще мог быть суровый край, приютивший двести лет назад тех, кому удалось выжить в гонениях?

В те времена, когда жизнетворчество объявили вне закона, и всюду распространилась молва об ужасах, что творили темные мастера, народ обезумел, всюду творился самосуд. Мало кто выжил и смог добраться в единственный оплот, раскинувшийся на никому не нужных бесплодных пустошах. Полагаю, это были люди, потерявшие все, кроме воли к жизни.

Разумеется, такая судьба не располагала местный народ к праздной яркости, которой славилась моя родная империя Зендария. И если до сих пор я никак не могла взять в толк, почему наша принцесса вышла замуж за одного из дияров, а император не только дозволил это, но и одобрил развитие дипломатических отношений с Конклавом, то теперь невольно задумалась об истинности того, что нам вбивали в голову учителя пансиона.

Возможно, я просто искала хоть одну причину не считать, что сама стала чудовищем. Мне казалось, что утра хуже, чем то, в которое я узнала о смерти родителей, в моей жизни не будет, но оно все же случилось.

Месяц назад я проснулась с этим пугающим чувством внутри, будто кровь вскипает в венах, а в груди рядом с сердцем бьется что-то еще. Пульсирующая чернота, возникающая перед мысленным взором всякий раз, когда закрываешь глаза.

Самое страшное произошло, когда Лира по обыкновению подошла меня будить, ранние подъемы ей всегда давались лучше.

Стоило подруге коснуться моего плеча, как темнота в груди хищно всклубилась и жадно рванулась к ней, вытянувшись множеством маленьких щупалец. Каким-то чудом, по случайному наитию мне удалось их остановить, но именно тогда я поняла, что жизнь никогда не будет прежней.

Выросшая внутри меня сила не могла быть магосозиданием, великим даром, позволяющим менять свойства и облик всего, что имеет форму, потому как не подчинялось им лишь одно — живая материя. Ею повелевали жизнетворцы, которых раньше, до замужества принцессы, именовали не иначе как темными мастерами.

Произошедшее со мной не могло быть правдой. Магосозидателем или жизнетворцем можно только родиться, так не бывает, чтобы дар проявлялся во взрослом человеке.

Однако день проходил за днем, а темнота рядом с сердцем никуда не пропадала, и мне пришлось принять ее как факт. Только рассказать о нем я так и не решилась, даже Лире.

Знал бы граф Варинтон, кого отправляет в самое сердце Конклава, в резиденцию одного из шести дияров, управляющих пустошами, может, и не счел бы, что для задания «идеально подхожу именно я».

Какая страшная ирония для человека, которого всю жизнь готовили к помощи в уничтожении жизнотворцев как вида.

И все же, именно мне выпала честь начать свою работу в ордене с задания, куда более подходящего бывалым воспитанницам пансиона, которые успели получить реальный опыт.

Каждое утро начиналось одинаково: я просыпалась в общей спальне с другими девушками, игнорировала их попытки подружиться, и после завтрака вместе со всеми шла к госпоже Элии — главной горничной резиденции, очень приятной женщине среднего возраста, которая раздавала основные задания на день.

Я протирала пыль, мыла окна и полы, выметала паутину из углов, натирала металлические ручки на дверях... Словом, выполняла простую и однообразную работу, которая, тем не менее, позволила невзначай изучить всю резиденцию вдоль и поперек.

Работников не хватало, поэтому меня даже отправляли в южное крыло, туда, где работали жизнотворцы, подчиненные дияру, и он сам. В других резиденциях нужно было отработать без нареканий несколько лет, чтобы попасть туда, но не в этой.

И все же, главная сложность оставалась неизменной: сам Альтериус Эверил. Мне удалось увидеть его лишь однажды, да и то мельком, гораздо более молодого, чем я представляла, высокого и худощавого, на вид почти юношу.

Однако то, как расступались люди перед ним, с каким почтением провожали взглядом, не оставляло сомнений, что этот человек обладает властью, и отнюдь не является зеленым юнцом, получившим место просто так.

К нему мне требовалось подобраться, и я совершенно не представляла, как это сделать.

Глава 2

Прошла еще неделя с тех пор, как мне удалось проникнуть в резиденцию, однако я ни на шаг не продвинулась в том, чтобы хотя бы увидеть дяря еще раз.

Как на зло госпожа Элия почти не давала мне заданий в южном крыле, и в те редкие случаи, когда удавалось туда попасть, я не встречала никого, кроме рядовых житнетворцев. Конечно, рядовыми их можно было назвать с натяжкой, большой такой, потому как в резиденциях трудились лучшие.

Шесть дяров не просто управляли Конклавом, каждый из них достиг самых значительных высот в одном из направлений житнетворчества, именно поэтому их столько — по числу специализаций. И резиденции представляли собой не столько место проживания дяров, сколько оплот лучших умов, которые традиционно занимались исследованиями в южном крыле монументальных строений.

Поначалу мне давалось посещение этой части резиденции с трудом, слишком много ужасов рассказывали учителя об искусстве темных мастеров.

Помню, как в детстве не могла спать после этих уроков, представляя ужасные сцены, и иступленно молилась Двуетдиной Матре, чтобы эта скверна исчезла и больше никогда не тронула континент.

Правда, несмотря на все мольбы, перед глазами все равно вставали образы искаженных темной силой созданий, лишь отдаленно напоминающих людей, разлагающихся ходячих трупов, опасных растений, способных убивать... многое из того, о чем не следовало знать десятилетнему ребенку.

Держа в голове все имеющиеся знания, я ждала увидеть мрачные чертоги со всеми ужасами, описанными в учебниках. На деле южное крыло оказалось очень просторным, чистым и светлым местом со множеством залов и коридоров, за дверями которых скрывалось множество кабинетов.

В главную часть, где находилась лаборатория дяря, меня не пускали, но вряд ли его пристанище чем-то радикально отличалось от десятков других, где я проводила уборку. Рабочие столы, книги, какие-то журналы, похожие на регистрационные — ничего особенного.

И главное, сами темные мастера больше походили на загнанных служащих, бесконечно гнувших спины над листами пергамента.

Некоторые мужчины проявляли ко мне откровенный интерес, но пока не предпринимали попыток познакомиться с новенькой служанкой. Я старалась одеваться как можно небрежнее, намеренно пачкала лицо пылью, потому как не желала лишнего внимания, но все равно его получала.

Может прозвучать самонадеянно, но я знала, что выгляжу привлекательно. Других девочек в пансион просто не брали, потому как внешность в нашем деле чрезвычайно важна, и гувернантки прилагали все усилия к тому, чтобы научить нас использовать подаренное природой по максимуму.

Удивительно, как при всем при этом старшим девочкам удавалось найти повод для травли. До десяти лет меня звали не иначе как Жердью из-за высокого роста, и сколько бы не били гувернантки хворостиной по пояснице, чтобы я расправила плечи, они все равно невольно ссутуливались, стоило достопочтенным дамам отвести взгляд.

Спустя годы травля прекратилась, но привычка стараться сжаться и стать как можно меньше преследовала меня почти до выпуска.

Став взрослее, я сама стала той, кто мог бы издеваться над младшими, но вместо этого старалась защитить их от судьбы, похожей на мою, как когда-то меня пыталась уберечь Лирайна.

Тяжело вздохнув, я утерла запястьем пот со лба, этим жестом прогоняя еще и воспоминания.

Широкие мраморные плиты пола влажно блестели там, где я проходила по ним мокрой тряпкой. Хорошенько промыв ее в ведре и отжав, я собралась было продолжить работу, как вдруг слух уловил приглушенный ропот из противоположной части зала, скрывавшейся за высокими стеллажами, устремленными почти до самого потолка.

Голоса звучали настолько напряженно, что я без лишних раздумий встала с колен, подхватила свой скромный инвентарь и решила сделать вид, будто в той части помещения пол нуждается в мытье куда больше.

И не зря, потому как виновником происходящего оказался никто иной, как диар Альтериус, которого прежде мне не приходилось видеть так близко.

— ...превышение полномочий, — смогла расслышать я низкий спокойный голос, звучавший таким уничтожающим тоном, что лучше бы его владелец кричал. — Ты позволил себе воздействие на сознание без подписанного мной разрешения.

Прячась за спинами столпившихся жизнетворцев, я сделала еще несколько шагов вперед, и наконец-то смогла его рассмотреть. И невольно замерла, едва не выронив ведро из ослабевших пальцев.

Диар выглядел не только молодо, но и поражал не столько внешностью, сколько манерой держаться. Бывают ведь люди, которые производят неизгладимое впечатление, стоит им просто войти в комнату, вот он оказался как раз из таких.

Несмотря на почти юношескую стройность и высокий рост, превышающий даже мой, он выглядел одновременно утонченно и внушительно.

Короткие темно-каштановые волосы чуть вились и казались слегка встрепанными, будто он только что провел по ним рукой в раздумьях. Альтериус стоял ко мне вполоборота, позволяя разглядеть резкий профиль, с которым контрастировали чувственные губы, какие не ожидаешь увидеть на таком лице.

— Диар, прошу, простите, я лишь хотел ускорить процесс... — невнятно пробормотал провинившийся жизнетворец, стоявший ко мне спиной. — Эксперимент требовал...

— Неважно, чего требовал эксперимент, — жестко оборвал его диар. — Правила едины для всех, даже я не имею права на подобное самовольство. Или ты решил, что кодекс создавался для всех, кроме тебя?

— Простите, диар, — глухо произнес тот, опустив голову. — Я осознаю свою вину.

Альтериус медленно и гибко, словно кот, приблизился к подчиненному. В зале воцарилась полная тишина, в которой, кажется, все присутствующие старались даже не дышать.

— Тогда завтра чтобы духу твоего не было в моей резиденции, Штерн, — все так же негромко, но до дрожи пугающе произнес он. — Ты впервые провинился, поэтому я не стану извещать Конклав, однако работать здесь ты больше не будешь. И если решишь нарушить правила снова, поблажек не жди.

Кто бы мог подумать, что у жизнетворцев такие строгие правила? Я невольно нахмурилась, вновь столкнувшись с тем, как реальность расходилась со словами учителей.

Темных мастеров преподносили как злобных и хаотичных созданий, не знающих ни морали, ни человечности, однако же за все это время никто не причинил мне вреда.

Более того, теперь стало ясно, почему никто в южном крыле не пытался проникнуть в мое сознание, это попросту запрещено, и за нарушение местных правил полагаются суровые, даже слишком, последствия.

— ...столпились? У вас мало работы? — вырвал меня из мыслей строгий голос диара. — Так я организую. Разошлись, живо.

Толпа вокруг меня стала стремительно рассеиваться, я сама не поняла, как вокруг оказалось слишком много пустого пространства, и инстинктивно отступила к стене с нелепым ведром в руках.

Тело будто молния пронзила, когда внимательный взгляд, скользивший по суетливо разбредавшимся подчиненным, остановился на мне. Я думала, что ее секунда, и он проследует дальше, но вместо этого проследовал сам диар. Ко мне.

Растерявшись, я застыла, наблюдая, как он уверенно и без суеты приближается, и боролась с каким-то животным желанием убежать прочь.

Мысли лихорадочно метались, пытаюсь понять, что стоит сделать. Поклониться? Приняться за работу, будто так и надо?

Однако пока я думала, диар оказался рядом, и когда мне удалось увидеть его глаза, в голове воцарилась оглушающая пустота.

Две болотные трясины, которые неизбежно затягивали всякого, кто по неосторожности в них угодил — такой была моя первая мысль, и невольно я отвела взгляд, глядя прямо перед собой.

Альтериус смотрел на меня так, будто увидел интересный экспонат в музее, и казалось, читал как раскрытую книгу все, что я старательно прятала, без всякого жизнетворчества.

Опомнившись, я опустила взгляд в пол и неловко пробормотала:

— Я просто мыла пол, дияр, простите мое любопытство...

Возможно, он и не ждал от меня никаких оправданий, потому как не дал договорить, мягко взяв за подбородок и заставив поднять голову, а затем спросил:

— Как тебя зовут?

Глава 3

Несколько мгновений мне понадобилось, чтобы взять себя в руки и отмереть.

— Дэя, — я изобразила неловкий поклон, — меня зовут Дэя, дияр.

Альтериус чуть склонил голову набок, странным образом вызывая во мне желание убежать как можно дальше, хотя оставался совершенно спокоен и невозмутим. Утонченная внешность никак не сочеталась с ощущением давления, которое от него исходило.

— Тебе не стоит бояться меня, Дэя, — спокойно произнес он. — Ты новенькая?

— Да, дияр. Уже почти две недели служу горничной в вашей резиденции. Прошу, не жалуйтесь на меня госпоже Элии!

После развернувшейся пару минут назад сцены даже его подчиненные разбежались по углам с круглыми глазами, простая служанка просто не могла не бояться великого и ужасного дияра.

Я это прекрасно понимала и потому решила не расслабляться слишком сильно, хотя и сумела справиться с минутной слабостью на самом деле.

Как ни странно, Альтериус издал тихий смешок, его позабавила моя вроде бы совершенно естественная реакция.

— И как, нравится тебе работа? — поинтересовался он, полностью проигнорировав просьбу не жаловаться главной горничной.

— Работа как работа, дияр, — я пожала плечами. — Главное, что есть кров и еда, и я рада, что могу быть вам полезной.

— Как непритязательно, — чувственные губы тронула едва заметная усмешка. — Иди за мной.

Альтериус молча развернулся, не подразумевая возражений. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, мучаясь догадками, чем я так внезапно смогла привлечь внимание дияра.

Все складывалось просто превосходно, с учетом того, зачем я проникла в резиденцию, но и пугало тоже.

В голове не рождалось ни единого предположения, зачем хозяину резиденции понадобилась простая горничная, оказавшаяся не в том месте и не в то время.

«Он же не собирается меня наказать?» — невольно промелькнула мысль отозвавшаяся зябкой дрожью в теле.

— Тебе ничего не угрожает, — вдруг произнес он, не оборачиваясь и не сбавляя шага. — Будь спокойна.

Вопреки смыслу, его слова заставили меня саму сбиться с шага, и, конечно, не внушили что угодно, кроме спокойствия.

Все это время он очевидно каким-то образом воздействовал на меня, чувствовал, что я испытываю, и только когда пришло это понимание, я ощутила их. Едва ощутимые касания чего-то незримого в области висков, которые легко спутать со сквозняком.

Внутренности скрутило от нахлынувшего ужаса.

«Нет. Если бы он прочел мои мысли, не остался бы столь любезен» — нервно подумала я. — *«Здесь что-то другое. Эмоции?»*

Глубоко вдохнув, я отсчитала десять выдохов в порядке убывания, как нас учили на занятиях.

В который раз пришла в голову мысль, что на этом месте должна быть не я, которая даже справиться с собственными эмоциями не в состоянии.

Постепенно биение сердца замедлилось, и я неосознанно попыталась смахнуть «ветерок» со своих висков. В то же мгновение странное ощущение действительно исчезло.

— Заметила, — произнес всего одно слово дияр.

Я не могла видеть его лица, лишь спину в черных одеяниях, но готова была поклясться, что расслышала в голосе улыбку. Не осталось сомнений, что он действительно делал что-то, и перестал только потому, что сам так решил.

Прежде, чем я успела придумать подходящие слова, дияр вдруг остановился и открыл одну из дверей, пропуская меня вперед:

— Проходи.

— Это?.. — нерешительно уточнила я.

— Мой кабинет.

Наверное, я должна была ликовать в тот момент. Всего две недели без единого проблеска надежды на выполнение задания, как вдруг все решило само прийти ко мне в руки.

Однако вместо радости я испытала лишь усилившееся напряжение, потому как знала: когда все идет слишком хорошо — жди беды.

Стараясь вести себя непринужденно, я переступила порог в святая святых и осмотрелась. Как и ожидалось, никаких ужасов, какими нас пугали в пансионе все эти годы, не обнаружилось.

Обычный кабинет, разве что более просторный и роскошный, чем у простых жизнетворцев.

Альтериус тоже вошел и закрыл за нами дверь, а затем проследовал к широкому столу и сел в свое кресло.

— Присаживайся, не стесняйся, — он указал на стул, стоявший напротив.

Коротко кивнув, я подошла и села, держа спину, пожалуй, слишком прямо, и чувствуя себя как на иголках.

Вот почему орден должен был послать кого-то более опытного, как бы ни старалась, мне не удавалось сохранять самообладание. О чем только думал граф Варинтон, демоны его дерите?

— Итак, — произнес Альтериус, уперевшись локтями в стол и переплетя длинные изящные пальцы. — Почему ты не пошла ни к кому в подмастерья?

Вскинула брови и захлопала округлившимися глазами я очень даже искренне.

— Простите? — обескураженно переспросила я.

— Я спрашиваю, почему столь очаровательная и одаренная девушка решила мыть полы вместо того чтобы постигать искусство жизнетворчества, — прямо пояснил он, глядя мне прямо в глаза.

В груди все сжалось, мешая сделать вдох. Я должна была догадаться, что дияр сразу увидит мерзкую тьму, что бьется рядом с моим сердцем.

— Не хочу, дияр, — произнесла я, едва справившись со смятением, а затем вскинула голову и прямо посмотрела в болотные трясины глаз Альтериуса. — Я не просила этой силы, и предпочла бы ее не иметь.

Мне предстояла задача, с которой едва ли способна справиться вчерашняя выпускница орденского пансиона. Провести дияра Конклава, говоря только правду.

Глава 4

Казалось, даже настенные часы стали тикать громче, потому как тишина, повисшая в кабинете, показалась мне оглушающей.

Я почувствовала, как нечто незримое вновь коснулось моих висков, и подавила желание смахнуть назойливое дуновение так же, как в коридоре.

— Почему? — спросил Альтериус, внимательно вглядываясь в мои глаза.

— Потому что... — я сглотнула и сжала пальцами грубую ткань платья, — от этого одни проблемы, дяяр. Мне бы хотелось прожить спокойную и простую жизнь.

— Разве не проще было бы обеспечить себя и помогать семье в качестве жизнетворца? — вскинул широкую темную бровь дяяр. — Думается мне, жить проще и спокойнее, когда ни в чем не испытываешь нужды и не имеешь поводов переживать за близких.

Сердце болезненно сжалось от его слов.

Из глубины души поднялась горечь, которую не смогли исцелить ни года, ни доброта Лирайны, ни даже собственные попытки убедить себя в том, что моя судьба оказалась далеко не самой худшей.

— У меня нет семьи, дяяр, — глухо ответила я. — Мои родители погибли много лет назад. Мне достаточно иметь крышу над головой и не думать, будет ли завтра еда, чтобы чувствовать себя спокойно.

14 лет назад

Мне исполнилось всего пять, когда беззаботный и теплый мир рухнул.

Сначала заболел отец, он кашлял так сильно, что казалось, будто от этого дрожат стены старого домика на окраине за стенами столицы. Затем хворь коснулась и матери.

Дни сменялись друг за другом, я пыталась ухаживать за родителями, как могла. Но что может пятилетний ребенок? А они оба слегли так, что в один ужасный день встать с постели попросту не смогли.

Приходивший к нам лекарь только качал головой.

— Ничего не поделаешь, болезнь не лечится, — буркнул он, пряча в карман последние монетки из маминого схрона. — Мне жаль, деточка.

После я его не видела, а родителям становилось только хуже. Сама я не заболела, каким-то чудом болезнь обошла ребенка стороной, хотя должна была бы забрать первой. Но мама и папа угасали с каждым часом.

Когда отец перестал дышать, я еще долго трясла его руку, пытаясь разбудить, пока мама не приказала мне убраться из комнаты и больше не заходить никогда и ни за что.

Я была послушной девочкой, так и сделала.

В родительскую спальню в следующий раз зашли соседи, заметившие, что свет в доме больше не горит по ночам. Шаросветы разрядились, а я была слишком мала, чтобы знать, как пригласить магосозидателя их зарядить, да и не осталось у семьи ни гроша.

Спустя всего день в дверь постучали.

— Девочка, ты там? — раздался грубый голос. — Не бойся, выходи. Мы заберем тебя в приют.

Слово «приют» заставило меня содрогнуться. Когда взрослые его произносили, они всегда вздыхали и качали головой, будто говорили о чем-то очень страшном.

Я помнила, как однажды познакомилась с мальчиком в ветхой залатанной одежде, которая висела на нем, словно на вешалке. Он был грязный и очень худой, но смотрел по-доброму, поэтому я без раздумий пожала ему руку, когда тот предложил дружить.

Продлилась только эта дружба совсем недолго. Папа решил посмотреть, зачем я беру с собой на улицу ломать хлеба с завтрака. Тогда-то я и узнала, что мальчик приютский, а приличным девочкам с такими водиться не положено.

— Уходи! — прикрикнул на него папа. — Чтобы я тебя здесь больше не видел, сорванец!

Только с возрастом я поняла, что отец сделал это не потому что был плохим человеком, а потому что так было заведено. Взрослые жалели этих детей, но только издалека, никто не хотел, чтобы они приближались к их собственному ребенку.

Решение пришло само собой. Я тихонько подкралась к черному ходу, приоткрыла дверь и бросилась прочь от родного дома, оставляя за спиной счастливую жизнь, которой так и не случилось.

Первые два дня я пряталась в заброшенном сарае на окраине, пила воду, собравшуюся после дождя, а потом узнала, что такое волчий голод. И я побрела в город, надеясь, что там смогу найти какую-то еду.

Во дворе роскошного особняка как раз играли ребята, счастливые, хорошо одетые, но самое главное — в их руках были яблоки. Я подошла поближе к ограждению, и привлекла внимание следящей за ними женщины с мягким и добрым лицом.

Когда она подошла, я невольно заулыбалась, но разом обомлела, когда та начала махать на меня руками:

— Поди прочь, грязнуля, не пугай детей.

Глотая горькие слезы и борясь с головокружением, я отступила и пошла дальше.

Шла и шла, пока не свалилась с ног в какой-то грязной подворотне. Как вдруг увидела пару сапог, остановившихся прямо у моего лица.

С трудом подняв взгляд, я увидела невероятно красивого дядю, одетого в темный дорожной плащ.

— Ты одна? — спросил он мягко.

Я кивнула, говорить было трудно.

— А где родители?

— Умерли, — прошептала я.

Мужчина присел на корточки.

— Как тебя зовут?

— Дзя...

— Пойдешь со мной, Дзя? — он протянул ладонь в черной кожаной перчатке. Помню, она показалась мне просто огромной.

Протянув дрожащую руку, я схватилась за предложенную ладонь так сильно, будто от этого зависела моя жизнь. Так оно, конечно, и было.

Дядя осторожно поднял меня на руки, его совсем не волновало, что я «грязнуля».

— Все будет хорошо Дзя, — произнес он.

И я расплакалась, прижавшись лицом к его плечу, впервые за много дней. Тем «добрым дядей» был граф Корвин Варинтон.

Движение воздуха у моих висков отступило. Я вздрогнула, осознав, что дядя больше не пытается считывать мои эмоции, но продолжила прямо смотреть в болотные омуты его глаз.

Понять, о чем думает этот человек было попросту невозможно, но кажется, его взгляд смягчился.

— Прошу прощения, мне не стоило беречь старую рану, — спокойно произнес он, заставив изумленно изогнуть брови.

Что за порядки в этом Конклаве, раз дядя в своей собственной резиденции извиняется перед горничной?

— Ничего страшного, — обескураженно сказала я. — Вы ведь не знали.

А затем Альтериус вовсе разбил все мои представления о том, каким должен быть дияр и в принципе жизнетворец. Он задумчиво чуть склонил голову набок и спросил:

— Хочешь, я помогу тебе определить специализацию и найду учителя?

Глава 5

Лежа на довольно удобной постели, я вполуха слушала, о чем переговариваются другие девушки.

— Говорят, он опять вчера выгнал кого-то... — произнесла одна из горничных так, будто дияр стоял под дверью, чтобы подслушать, о чем она говорит.

— Не кого-то, а Штерна, — фыркнула бойкая девушка с рыжими косичками. — Давно пора было, я считаю. Задирал нос и дозадирался.

— Как-то строго, — неуверенно протянула первая.

— Строго? Я слышала, он самовольно проник в чье-то сознание, за такое его должны были посадить в тюрьму, а не просто прогнать.

— Наш дияр великодушен, — мечтательно вздохнула другая горничная с конопатым лицом, покрытым кратерами, оставшимися от оспы.

— Скорее мудр, — продолжала судачить рыжая. — Вот, Мира, скажи, ты сама не боялась наниматься сюда? Да все боялись! А ведь, если бы дияр Альтериус не следил за соблюдением кодекса менталистов, все страшилки о них могли бы быть правдой.

Горничные жили группами, в каждой комнате размещалось по восемь человек. Разговор настолько меня заинтересовал, что я мучительно пожалела о том, как повела себя в первые дни в резиденции.

Девушки попытались подружиться с новенькой, но столкнулись с настолько холодной и непреодолимой стеной с моей стороны, что быстро отказались от этой затеи.

Я ведь думала, что попала в паучье гнездо, но положила руку на сердце, на него куда больше походил пансион, в котором я выросла.

Уклад в Конклаве сильно отличался от того, как его представляли нам на занятиях, да и образ дияра, внушаемый с детства, никак не соотносился с реальностью.

Совершенно обычные люди, у которых будто в подкорку выросла идея взаимоподдержки и уважения друг к другу, строгие правила, защищающие простых жителей — вот что я увидела за все эти дни.

Очень хотелось узнать хоть что-нибудь ужасное, понять, что первое впечатление оказалось обманчивым. Не одну тысячу я раз внушала себе, что граф Варинтон не стал бы посылать меня сюда без причины, что все это лишь благовидный фасад, за которым прячется настоящая сущность Конклава.

И все же, скелеты никак не хотели вываливаться из шкафов.

Если оглянуться назад, то в ранние годы я часто задавала неудобные вопросы учителям, замечала несостыковки в том, чему нас старательно обучали.

В качестве наказания мне давали задание переписать несколько раз свод преступлений, за которые жизнетворцев изгнали государства континента, и вопросы, надо признаться, вполне эффективно отпадали сами собой.

Горничные сменили тему, принявшись причитать о строгости госпожи Элии, и я перевернулась на бок, потеряв к их разговору всякий интерес.

В груди ворочалось мерзкое чувство вины. Все, что слышали мои уши и видели глаза, сознание жадно захватывало, выстраивая картину куда более благополучного места, чем родная Зендария.

Вспомнилось напутствие графа Варинтона: *«Помни, кто дал тебе все. Не позволяй сомнениям сбить тебя с пути»*. Неужели он предвидел, что все сложится подобным образом?

Мне подумалось, что, наверное, я и правда слишком сильно доверяю поверхностному впечатлению.

Орден ведь дал мне все: еду, кров, воспитание, образование, какое никогда не смогли бы позволить себе родители. Только благодаря этим людям я не умерла тогда на улице, разве могли они так сильно ошибаться?

Нас воспитывали в строгости, но никогда не давали повода усомниться, что готовят девочек в пансионе не просто к жизни, а к великой миссии.

Мы росли с мыслью, что сможем внести свой скромный вклад в избавление мира от зла, что оскверняет богиню Матру и ведет людей к пропасти.

«Очистите мир от силы, что губит Двоедицию, и настанет тогда рай на земле» — этими словами начинался каждый наш день.

Вот только... что такого в этом жизнетворчестве, что оно несет гибель всему живому?

Будто в ответ на эту мысль чернота рядом с сердцем шевельнулась, заставив меня рефлексивно схватиться за грудь.

Удивительно, но это проклятье, непостижимым образом возникшее во мне, чистокровной зендарийке, стало единственным шансом выполнить миссию, идеальным поводом приблизиться к хозяину резиденции.

Станный все-таки человек, этот Альтериус. У меня никак не желал укладываться в голове тот факт, что при его статусе дияр изъявил желание помочь какой-то горничной.

Может, дело в том, что им не хватает людей и каждый жизнетворец на вес золота? Но не похоже, что им двигали подобные соображения.

Как наяву перед мысленным взором появился вязкий как тряпина взгляд, от которого нельзя убежать, если только он сам не отпустит свою жертву. Волоски на руках вздыбились, а по спине пробежал холодок.

Дияр вел себя чрезвычайно любезно, и подчиненные, судя по подслушанным разговорам, его искренне уважали, но я нутром чуяла, что он отнюдь не так прост, как может показаться на первый взгляд. От него почти физически веяло силой, подавляющей мощью, которую тот умело контролировал, пугающей, но вместе с тем отчасти интригующей.

Дияр Альтериус не стал требовать от меня ответа сразу, сказал только, что я могу прийти к нему в любой момент, если захочу связать свою жизнь с жизнетворчеством. Но разве за этим меня отправили сюда? Станет ли успешно проделанная работа достаточным оправданием для постижения темного мастерства?

С этими мыслями я погрузилась в тревожный сон, и перед тем, как совсем уснула, твердо решила верить графу Варинтону, даже если все выглядит не так, как должно.

Ранним утром на ежедневном сборе я пропускала наставления госпожи Элии мимо ушей, потому как знала, что больше не буду заниматься уборкой.

Вместо этого я мысленно готовилась к предстоящему разговору с дияром и пыталась придумать, каким образом собрать биоматериал с главного менталиста Конклава так, чтобы он ничего не заподозрил.

Когда инструктаж закончился, я вышла вместе с остальными девушками, но направилась вовсе не в холл, где должна была мыть окна, а напрямиком в южное крыло.

Глава 6

К кабинету дияра я подошла уже в полном спокойствии, чувствуя себя уверенной и собранной как никогда. Даже не стала давать себе время, чтобы собраться с мыслями, когда постучала.

— Входи, — произнес знакомый голос за дверью, кажется, прекрасно знавший, кто его решил побеспокоить.

Внутри ничего не изменилось, да и что могло поменяться за пару дней? Альтериус сидел за своим столом, я отвлекла его от изучения каких-то бумаг, которые он тут же отложил в сторону и поднял на меня взгляд.

В ту же секунду накопленная долгими размышлениями уверенность дала сбой, почему-то мне никак не удавалось взять себя в руки в присутствии этого человека, сохранять холодный разум под внимательным взглядом опасно чарующих глаз.

Полагаю, я в этой резиденции была такая не одна, только это и успокаивало.

— Ты обдумала? — дияр откинулся на спинку кресла, и сделал приглашающий жест в сторону все того же стула.

Кивнув, я проследовала к нему, возможно слишком пристально рассматривая мужчину, сидящего за столом. Хотя, наверное, он к подобному привык, потому как не мог не знать, какое впечатление производит на людей.

Признаться себе в этом было трудно, но Альтериус впечатлял, да что уж там, был откровенно красив, какой-то иной красотой, какую не встретишь на просторах империи. Удивительная хищная утонченность, он напоминал мне диковинную пантеру с южных островов.

Соглашаться с порога не стоило, это могло вызвать подозрения, потому, опустившись на предложенное место, я осторожно спросила:

— Могу я узнать, почему вы сделали мне столь щедрое предложение?

Губ Альтериуса коснулась едва различимая улыбка, настолько мимолетная, что я не могла сказать с точностью, была ли она на самом деле.

— Ты напомнила мне кое-кого, — признался он. — К тому же, не могу смотреть, как кто-то зарывает свой потенциал. Многие хотели бы оказаться на твоём месте, Дэя, но им удача не улыбнулась.

Смешно, что для местных обнаружить в себе клубок тьмы рядом с сердцем, наверное, и правда считалось большим счастьем. Ровно настолько, насколько для меня он им не являлся.

Однако я узнала главное, что хотела, и с облегчением выдохнула. Такой мотив понять можно.

— Наверное, я заставила вас вспомнить о ком-то дорогом, — улыбнулась я.

— Очень, — просто согласился дияр.

В материалах говорилось, что Альтериус самый закрытый из всех дияров Конклава, о нем удалось узнать меньше всего. Оказалось, у него есть кто-то, кем он очень дорожит. Какое неожиданное открытие.

Почему только Торгард при приеме на работу не намекнул даже, а прямым текстом предложил воспользоваться правом ночи с дияром? Или у них такое в порядке вещей? Какой ужас.

Висков коснулся едва уловимый «ветерок», и я вздрогнула, спешно вспомнив о каше, которую ела утром. Она оказалась вполне недурна, и мне хотелось надеяться, что дияр не успел считать ничего, кроме реакции на эту безобидную мысль.

— О чем ты подумала? — усмехнулся он, разбив все мои надежды вдребезги.

— Ни о чем, — вспыхнула я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Выражение лица Альтериуса красноречивее любых слов говорило о том, что он не поверил мне ни на секунду, но воспринял скорее с иронией.

— Ну да, — произнес дияр, даже не пытаясь скрыть сарказм. — Не волнуйся, когда мы разговариваем, твои мысли только твои, Дэя. Ты ведь знаешь, что для менталистов действуют строгие ограничения?

Я кивнула, хотя имела об этом весьма смутные представления.

— Дияр не исключение, если тебя это интересует. У меня есть некоторые привилегии, но лезть в твою голову без разрешения я не буду, не переживай.

— А... с разрешения? — осторожно поинтересовалась я, уловив подтекст. — Когда мы будем не просто разговаривать?

Теперь кивнул уже Альтериус, став совершенно серьезным.

— Ты все верно поняла, чтобы помочь тебе раскрыть исток, мне придется соприкасаться с некоторыми уровнями твоего сознания, но обещаю, что не стану лезть дальше необходимого. Ты ведь знаешь, обычно одаренные дети пробуют себя в разных направлениях, чтобы понять, что им лучше дается, но ты упустила слишком много лет. Я могу помочь это компенсировать.

«Так вот, как это называется — исток» — подумала я, и тьма в груди шевельнулась в ответ на эту мысль.

— Мне нужно еще немного времени, чтобы подумать, — наконец выдавила из себя я.

— Почему? — вскинул бровь дияр, и висков вновь коснулся «ветерок».

Новые подробности осложняли дело, если не ставили под угрозу весь план.

— Меня пугает то, что вы сказали, — честно призналась я, понимая, что ложь будет сразу раскрыта. — Страшно пускать кого-то постороннего себе в голову. Откуда мне знать, что именно вы увидите?

Дияр сложил пальцы домиком и пронзил меня задумчивым взглядом.

— Полагаю, у тебя была непростая жизнь Дэя, — произнес он после затянувшейся паузы. — Могу понять твой страх. Хорошо. Лучшее оружие против страха — это знания. То, что понятно, как правило, уже не пугает.

— А?..

— Я дам распоряжение, Торгард переведет тебя в восточное крыло и выдаст список книг, которые понадобятся взять в библиотеке. Изучи их все, и тогда возвращайся.

— Хорошо... спасибо, — обескураженно протянула я, не поспевая за тем, как быстро он принимал решения. — Тогда... я могу идти?

— Разумеется, — Альтериус кивнул.

Сбивчиво попрощавшись с дияром, я покинула его кабинет, пребывая в полном недоумении и тревоге.

Разве хоть кто-нибудь будет вести себя столь терпеливо и тратить свое время на помощь незнакомому человеку? Просто потому, что он похож на кого-то близкого?

Варианта только два: либо в Конклаве порядки и правда сильно отличаются от имперских, либо дияр меня в чем-то подозревает и хочет получить законный повод залезть в мою голову.

Глава 7

Альтериус

Когда женская фигура с чуть ссутуленными плечами исчезла за дверью, дияр задумчиво перевел взгляд за окно. Редкое дело, чтобы кто-то сумел привлечь его внимание, даже удивительно, как легко это удалось этой девушке.

Сходств с той, из-за которой дияр зацепился за горничную взглядом, на деле находилось не так много. Дэйдре была куда выше, ростом почти с него, и волосы темно-русого цвета, да и в чертах лица отчетливо читалась значительная примесь зендарийской крови.

Да, внешне они разительно отличались, однако серые глаза горничной смотрели на мир с похожим выражением. В них читался свет, почти угасший под гнетом тяжелой жизни.

Будучи сам из простой семьи, которой приходилось выживать в столице, едва сводя концы с концами, он хорошо знал этот взгляд. Может, подойти к ней его подтолкнуло все же другое?

Кажется, прошла вечность с тех лет, когда он, тогда еще совсем мальчишка, смотрел, как родители продают все: дом в деревне, скотину, вещи, ценные для них, но сущее барахло для горожан.

Они переехали в столицу с надеждой, что так будет лучше, что их сын, родившийся жизнотворцем, сможет найти достойного наставника, у которого станет учиться. На деле все оказалось только хуже.

Затем годы упорного труда и бессонных ночей, он учился и учился, работая при этом на двух работах, чтобы помогать родителям. Если бы не поддержка организма с помощью жизнетворчества, он бы точно слег от двойной, а то и тройной нагрузки.

Странно вспоминать об этом теперь, когда его жизнь стала совсем другой. Однако эти раскосые глаза на миловидном лице почему-то пробудили в нем воспоминания о давно минувшем. В них без менталистики читалось столько всего... жаль только, что чувства те были далеки от счастливых.

Когда Альтериус неосторожно затронул болезненную тему, через зонды по нему ударила такая волна боли и отчаяния, давно перенесенных, но так и не пережитых, что он резко прервал контакт, чтобы не задохнуться в чужих переживаниях.

В кабинет вошел Торгард, по обыкновению даже не постучавшись. У старинного друга, который бросил развитие в жизнотворчестве, чтобы последовать за ним, были особенные привилегии.

— Звал? — просто спросил он.

— Да, — дияр задумчиво постучал изящными пальцами по столу. — Та девушка, которую ты недавно принял на работу, Дэйдре Эшфорд, ее нужно перевести в восточное крыло.

Брови Торгарда поползли вверх так стремительно, будто захотели сбегать с лица.

— А ты... времени зря не теряешь, — откашлялся он, спрятав тем самым масштаб своего изумления.

— Торг, избавь меня своих домыслов, — поморщился дияр. — Ты же знаешь, что я не беру контрактниц.

Альтериус действительно на дух не переносил эту традицию, считая, что никакие трудности не оправдывают то, на что идут слабые женщины.

Пускай другие дияры временами подтрунивали над ним за «добровольный целибат», который он принял, когда вступил в права, Альт все же считал, что способен помочь людям в отчаянном положении, не взимая плату, как когда-то помог его семье дияр Хортус.

Приходилось только корректировать память девушек, что приходили к нему с прошением, чтобы по всему Конклаву не пошел слух, мол резиденция менталистов принимает всех обездоленных.

— Просто не приходили те, что запали бы в душу, — усмехнулся Торгард. — А эта... когда она нанималась, я сразу подумал, что очень даже в твоём вкусе. Хороша, ты не можешь не признать.

— То-о-орг, — тихо протянул дияр, прикрыв глаза ладонью. — Что ты ей наговорил? Ай, не важно уже... Понятно теперь, почему она так напряжена.

— Да-да, дело вовсе не в том, что ты дияр Конклава, перед которым все южное крыло ходит на цыпочках, — «понимающе» покивал друг. — И все же, зачем тогда ее в восточное крыло, раз не за этим?

Альтериус откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

— Я буду ее учить, — просто произнес он.

— Ты... чего?! — округлил глаза Торгард. — Друг мой, ты точно Альтериус? Или тебя подменили?

— Что тебя удивляет? — холодно поинтересовался он.

— Да так, каждый день же дияры берут себе горничных в подмастерья, — саркастически скривился камердинер. — Давай, может, просто найдем тебе женщину, а?

— Если ты не прекратишь, я напомню, кто мы есть помимо того, что старые друзья, — с обманчивым спокойствием произнес Альтериус, и с лица Торгарда тот час пропало все веселье. — Просто сделай, как я говорю, и не лезь не в свое дело. Выдай ей пропуск в библиотеку, — он взял со стола листок. — И передай этот список.

На самом деле книги, которые следовало изучить Дэйдре, он подобрал заранее, знал, что она непременно придет к нему. И так же не сомневался, что совсем немного погрузившись в вопрос, девушка примет положительное решение.

Торгард взял в руки листок и бегло пробежался глазами, а затем поднял их на дияра:

— Она не менталистка? Вернее, она даже не знает свою специализацию, в таком-то возрасте?

— Не знает.

— Это странно, — камердинер погладил подбородок. — Навести справки?

— Не стоит, — махнул рукой Альтериус. — У этой девушки была непростая жизнь, не нужно ворошить чужое прошлое без необходимости. Если с ней что-то не так, я ведь все равно пойму.

— Я понял, — кивнул Торгард. — Тогда пойду переселять твою скоропостижную зазнобу.

— Торг, — нехорошо прищурился Альтериус, и друг примирительно поднял руки.

Когда камердинер ушел, дияр вернулся к бумагам, но быстро понял, что всю концентрацию растерял.

Пока Торгард не обратил внимание, что Дэйдре действительно внешне похожа на девушек, которых он выбирал в прошлом, до становления дияром, Альтериус об этом не задумывался. И пришел к мнению, что не стоит задумываться и впредь.

Глава 8

Дэйдре

Библиотека в резиденции впечатляла. Не столько даже своим масштабом, у нас в пансионе вряд ли хранили книг меньше, сколько разнообразием представленной литературы.

В глубине читального зала меня встретила девушка немногим старше нас с Лирой, она ловко балансировала на приставной лесенке, раскладывая фолианты по полкам.

— Простите, — позвала я. — Где мне найти библиотекаря?

Девушка вздрогнула и опустила на меня рассеянный взгляд, а затем, поправив выбившийся из прически рыжий локон, ответила:

— Ты его нашла.

Она быстро, но без лишней суеты распределила оставшиеся книги и спустилась вниз. При ближайшем рассмотрении библиотекарь оказалась еще моложе, чем мне показалось сначала.

Голубые глаза, прозрачные как речной лед, пронзили меня внимательным взглядом, и девушка протянула руку.

— Допуск, пожалуйста, — выжидательно произнесла она.

Спохватившись, я достала из передника и вручила ей два листка, один из которых подтверждал мое право на пользование библиотекой, а другой представлял собой список литературы.

Тонкие брови на бледном лице взлетели вверх.

— Полный, как у служащих южного крыла? А-а-а-а, — девушка рассеянно взъерошила волосы. — Ты та самая.

— Та самая? — пришел мой черед удивляться.

— Горничная, которую дияр взял под свое крыло, — пояснила библиотекарь, и перевела на меня взгляд. — Меня зовут Шайла, думаю, мы будем часто видеться, — она вновь посмотрела на листок и прочла вслух: — Дэйдре Эшфорд.

— Приятно познакомится, — я постаралась улыбнуться как можно более доброжелательно, не желая повторять ошибку, допущенную при знакомстве с горничными. — Можно просто Дэя.

Шайла кивнула, но даже не посмотрела на меня, так как углубилась в изучение списка книг от дияра.

— Тут довольно много всего, — протянула она. — Но вряд ли эти книги понадобятся кому-нибудь в ближайшее время. Можешь взять их на пару недель, но предупреждаю, обратно я их приму только в том виде, в котором отдала.

— Спасибо, я буду очень бережна, — я снова улыбнулась. — Можешь быть уверена, ни один фолиант не пострадает. А можно мне посмотреть что-нибудь еще?

— Конечно, — пожала плечами библиотекарь. — С твоим допуском можно читать любые книги здесь. Осмотрись, пока я соберу для тебя это, — она помахала листком. — Полчаса у тебя точно есть.

С этими словами Шайла удалилась, бормоча себе что-то под нос, и вскоре скрылась за стеллажом.

Пока эта любезная девушка собирала для меня нужную литературу, я решила не упускать возможность и отправилась в раздел с книгами по истории.

Не факт, что еще будет возможность незаметно полистать труды на эту тему, а привлечь лишнее внимание интересом к ней не хотелось бы.

Впрочем, мне понадобилось лишь бегло пробежаться по строчкам всего одной книги, чтобы убедиться: взгляд на, казалось бы, незыблемые факты, в Конклаве диаметрально противоположный.

С точки зрения житнетворцев события двухсотлетней давности представляли собой акт жестокой несправедливости по отношению к тем, кто родился с неугодным даром.

Захлопнув книгу и поставив ее на место, я нашла, ориентируясь по аккуратным табличкам, совсем другой раздел, и с удивлением обнаружила в нем совсем свежую работу. На увесистом темно-синем томе значилось: *«Микромир. Оливия Фарелл»*.

Об этой удивительной женщине не знал только ленивый, в том числе и в Зендарии, даром что жена одного из дияров.

Поговаривают, что свои работы Оливия решила издавать под девичьей фамилией, чтобы не оттолкнуть те умы, что все еще не могли смириться с новым положением Конклава в мире. И еще ходили слухи, что так она попыталась обелить фамилию сестры, чтобы при слове «Фарелл» люди думали о ней, а не об их печально известном отце.

Знала бы эта Оливия, что даже факт статуса ее мужа не помешает и ордену воспользоваться ее достижениями, и одно из них — крохотный флакон, тщательно спрятанный среди моих вещей.

Благодаря содействию принцессы, магосозидатели зендарийской Цитадели создали по чертежам Оливии странное изобретение, названное микроскопом. Сначала никто не понял, в чем его смысл, а затем в свет вышла ее первая книга, которую теперь я держала в руках.

Так весь мир узнал, что устроены мы куда сложнее, чем до сих пор думали. Говорят, даже житнетворцы, имеющие дело с живой материей, знали отнюдь не все, но главное, методы, описанные Оливией, позволяли взаимодействовать с подобными материями обычным людям. В частности, она писала о вирусах.

Опираясь на труды Оливии, орден основал собственную лабораторию, в которой изучали отнюдь не способы лечения болезней, скорее наоборот.

Иронично, с учетом того, что именно эта женщина стояла за падением графа Варинтона. Если бы не связи принцессы Лорелин, дело удалось бы замять, но в итоге нашим пришлось инсценировать смерть главы ордена, а ему самому уйти в тень.

— Оливия Фарелл? — хмыкнула Шайла, бесшумно возникшая за моей спиной, и я невольно вздрогнула. — Жена дияра Ноймарка весьма незаурядная личность, но мы с тобой вряд ли что-то поймем в ее работах. Если хочешь, я могу найти для тебя вырезки из газет о ней, тебе ведь ее личность интересна, так ведь?

Захлопнув книгу, я поставила ее на место, и совершенно спокойно, хотя внутри страшно занервничала, улыбнулась:

— Да, я думала, здесь хоть что-то напишут о ней, как о человеке. Но не стоит, — я перевела взгляд на внушительную стопку книг в руках библиотекаря. — В ближайшее время мне будет что почитать.

— Это точно, — Шайла с нескрываемым облегчением передала мне собранную литературу и потрясла руками, затекшими от напряжения. — Если кому-то потребуются эти книги, я дам знать и попрошу их вернуть в читальный зал.

Дорогие читатели! Если вам нравится эта история, поделитесь своими впечатлениями в комментариях, буду очень благодарна ## С майских праздников из-за нестабильности интернета стало совсем грустно с активностью, ваша обратная связь меня очень поддержит

Глава 9

Камердинер Торгард лично проводил меня в гостевую комнату, которую мне выделили в восточном крыле.

Насколько я знала, эта часть резиденций традиционно предназначалась для жизни самого дияра и его семьи, а также для приема гостей, и мысль, что мы будем находиться настолько близости немного пугала.

Комната оказалась небольшой, с минимумом необходимой мебели, но зато с собственной ванной комнатой и на удивление уютной.

Честно говоря, находиться в ней было не по себе, потому как в пансионе я никогда не жила одна, тесниться с горничными в одной комнате для меня оказалось куда спокойнее и привычнее.

Из всех книг, которые подобрал для меня дияр, одна привлекала внимание особенно, выделяясь среди прочих. На обложке значилось говорящее название «Этика менталистики», и очевидно, что именно она по мнению Альтериуса должна была развеять мои сомнения.

И он оказался прав, а еще, сам того не подозревая, дал дополнительный повод для размышлений.

Удивительно, насколько строгие правила действовали для менталистов Конклава, именно их дияр имел особые обязанности, которыми не обременялись другие.

Воздействие этого вида жизнетворчества делилось на уровни, от считывания поверхностных эмоций, какое я успела испытать на себе, до погружения в глубокие слои сознания, в результате которого человек мог попросту лишиться разума.

И если первый уровень допускался к использованию без ограничений, то для последующих начинали действовать особые условия, а самые последние применять без письменного разрешения дияра и вовсе оказалось запрещено.

Все это совсем не походило на рассказы о безумных и хаотичных темных мастерах, напротив, они будто бы все силы приложили к тому, чтобы взять столь опасную силу под контроль и не дать никому творить бесчинства.

— Мне действительно надо?.. — невольно протянула я и тут же осеклась.

Не потому что боялась быть услышанной, а потому что испугалась собственной мысли.

Все выглядело так, будто наш орден — это настоящие злодеи, а не наоборот. Однако разве имела я право так думать о тех людях, благодаря которым получила право жить?

Тряхнув головой, я отогнала эту крамольную мысль и вновь взяла в руки список книг. Рядом с «Этикой менталистики» стояла размашистая пометка: 1-3, прозрачно указывающая, какие уровни воздействия предполагаются для работы со мной.

Иными словами, дальше чувств, эмоций и поверхностных мыслей он не пойдет. Последнее могло стать проблемой, но если контролировать то, о чем думаешь, ничего страшного произойти не должно.

Просто не думать ни об ордене, ни о задании, сосредоточиться на обучении и постараться невзначай сорвать волос и сделать соскоб кожи — для начала и это сойдет. Хотя идеально было бы добыть еще и слюну, а еще лучше кровь.

Была ли я уверена в себе? Нисколько. Однако иного выбора все равно не оставалось, поэтому, отложив книгу, я в тот же день приняла решение, что готова принять щедрое предложение дияра.

Осилить выбранные им книги оказалось не такой простой задачей, я совершенно ничего не смыслила в этих «зондах», своего рода щупах, через которые происходило воздействие на живую материю, в истоке и, что уж там, обычной биологии, о которой имела самое базовое

представление. Вводный учебник по ней вызывал наибольшую тоску, хотя и был неприлично тонким.

На изучение книг ушло больше недели, и это при том, что я безвылазно сидела в своей комнате, погрузившись в чтение и конспектируя основные тезисы.

Ходила только в северное крыло поесть вместе с горничными, наотрез отказавшись от того, чтобы мне приносили еду как какой-нибудь леди. Не была я ею, хоть и знала, как притвориться так, чтобы никто и не заподозрил неладного. К счастью, миссия этого не предполагала.

Сказать, что по итогу мои представления о житнетворчестве перевернулись — не сказать ничего, хотя я и не понимала в полной мере и половины прочитанного. Однако я продолжала упорно напоминать себе, зачем на самом деле проникла в резиденцию.

В утро, когда изучать оказалось нечего, я отправилась на завтрак и ела крайне медленно, бессознательно пытаясь оттянуть момент встречи с дияром, но отдав тарелку в мойную, направилась напрямик к нему.

Стройный план действий, к которому я готовила себя несколько дней, разрушил камердинер. Торгард столкнулся со мной в холле, кивнул в ответ на мое приветствие, но вдруг схватил за локоть, когда понял, что направляюсь я в южное крыло.

— Что-то не так? — спросила я напряженно, но учтиво.

— Если ты к дияру, Дэйдре, то он занят.

Мне камердинер не нравился с нашей первой встречи, во многом потому, что заподозрил в весьма сомнительных намерениях, и не только не извинился, но кажется, остался при своем мнении.

О Торгарде в резиденции ходило слухов едва ли не больше, чем о самом дияре. Из пере-судов мне удалось узнать, что они с Альтериусом давние друзья, хотя впечатление камердинер производил такое, что верилось в это с трудом.

Молодой мужчина не походил ни на житнетворца, ни на слугу, он выглядел как воин с юга: широкоплечий, немного приземистый, с развитой мускулатурой и суровым взглядом карих глаз. Сочетание смуглой кожи и светлых пшеничных волос красноречивее любых слов говорило о том, что его прадеды действительно не были выходцами из империи.

— А как мне узнать, когда он будет свободен? — я первая прервала неловкое молчание.

— Спросить у меня, очевидно, — медленно произнес он, внимательно глядя в мое лицо, и внезапно спросил: — Скажи, почему ты не пошла учиться раньше?

— Не захотела, — помрачнела я, но не выдала то, как онемело все внутри. — Мне тяжело об этом говорить, спросите у дияра, если хотите, он знает.

— И родители не настояли? — вскинул светлую бровь Торгард, и я внезапно почувствовала, как висках начало нестерпимо колоть.

Слухи оказались правдой, камердинер тоже владел житнетворчеством, но если влияние зондов дияра ощущалось почти незаметным, то он действовал грубо, как если сравнить действия ювелира с дровосеком.

— У меня их нет, — я поморщилась от неприятных ощущений в голове.

Торгард замер, его лицо окаменело, а затем покалывание в висках прекратилось. Камердинер отпустил мой локоть, который держал все это время.

— Понял, — резковато произнес он, кажется, пряча смятение. — Пойдем, провожу тебя, подождешь его в лабораториях.

Глава 10

Торгард повел меня по знакомым коридорам южного крыла, и когда мы миновали помещения, в которых мне доводилось бывать, внутри все напряглось.

Камердинер уверенно направлялся туда, куда отправляли только двух горничных, которые проработали в резиденции много лет.

Девушки никогда не делились, что именно находится в том коридоре, и потому вокруг него ходило много слухов, однако кроме дверей с табличками я ничего необычного не увидела. Пока не поняла, что на них написаны имена и фамилии людей.

Чуть отстав от Торгарда, я вчитывалась в них, пока взгляд не поймал имя, заставившее меня сбиться с шага и почувствовать, как похолодели пальцы рук, а к горлу подступил душливый комок.

Вайна Никсон. Одна из лучших выпускниц пансиона, которая без вести пропала несколько лет назад, не вернувшись с задания. Поговаривали, что она попросту сбежала от ордена, но теперь стало очевидно, что все обстояло иначе.

Справившись с нахлынувшими чувствами, я будто бы невзначай поинтересовалась, чтобы подтвердить догадку:

— Кто все эти люди?

Торгард обернулся через плечо и снисходительно пояснил:

— Подопытные, разумеется. Или ты думала, что жизнетворцы работают только с бумажками?

Слабо улыбнувшись, я пожала плечами, но внутри все кричало.

Все это время резиденция будто нарочно развеивала все ужасы, что рассказывали учителя о жизнетворцах, и только теперь показала другую свою сторону. Ту, в которой проводились эксперименты над живыми людьми.

Темнота возле сердца, с которой я успела отчасти свыкнуться, вдруг снова показалась мне отвратительной и забила в груди тяжелым комком.

К тому же, невольно я задумалась: как много удалось узнать у Вайны менталистам об ордене? Вряд ли они выяснили слишком много, иначе факт того, что граф Варинтон жив давно бы вскрылся, но это не отменяло того факта, что выпускница моего пансиона заключена за одной из этих дверей.

Поборов жгучее желание придумать, как бы провести ее, ведь я прекрасно понимала, что такая просьба неизбежно вызовет подозрения, которые будет крайне легко подтвердить, я заставила себя не думать о ней.

Первое правило пансионеров гласило, что на задании личность полностью стирается: даже встретившись друг с другом лицом к лицу, две выпускницы должны не просто сделать вид, будто не знакомы, а вычеркнуть из памяти сам факт знакомства.

Только бесчисленные наставления мне в этом не слишком помогли, лишний раз напомнив, что я, наверное, худший человек для этого задания.

— Сюда, — Торгард указал на нужный поворот, и я едва сдержала облегченный выдох, когда мы покинули тот коридор.

Камердинер привел меня в небольшое круглое помещение с несколькими дверями, на каждой из которых значилась надпись: «Манипуляционная» и порядковый номер.

— Может, мне стоило просто подождать у себя, пока дияр освободится? — я зябко повела плечами, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Напротив, не нужно отнимать у него лишнее время, заниматься вы будете здесь, — пояснил Торгард. — Просто подожди, пока он освободится. Я оставлю тебя.

С этими словами камердинер махнул рукой, и ушел, не дождавшись ответа.

Полная тишина навалила на слух, и невольно промелькнула мысль, что даже общество камердинера было бы лучше неопределенного ожидания в полном одиночестве.

Не зная, куда себя деть, я подошла к единственному окну, не обнаружила ничего интересного и прислонилась спиной к прохладной стене, прикрыв глаза.

Странно, но из-за дверей не доносилось ни звука, наводя на мысли о том, что не только магосозидатели используют разработки жизнетворцев, но и наоборот.

Часов в помещении не было, но по ощущениям прошло около получаса, когда одна из дверей наконец открылась.

Первым из нее вышел дяря, и я невольно пропустила вдох, резко оттолкнувшись спиной от стены.

Все эти несколько дней мне не приходилось его видеть, и даже успело позабыться впечатление, которое производит этот человек.

Как и всегда одетый во все черное, он гибко посторонился и пропустил вперед другого жизнетворца, вероятно, ассистента, который вел под руку немолодого мужчину.

Все внутри похолодело, когда переключила внимание и рассмотрела его как следует.

Мужчина выглядел так, будто жизнь вытекала из него капля за каплей, и больше всего ужасали огромные, широко распахнутые глаза на бледном осунувшемся лице — совершенно пустые и безжизненные. Он смотрел прямо перед собой и явно ничего не видел, а узловатые пальцы скрючились, застыв в неестественном положении.

Если бы за спиной не было стены, я бы точно рефлекторно отступила на шаг назад. Неужели с Вайной Никсон произошло нечто подобное?

Альтериус наконец заметил меня, пригвоздив глубоким взглядом болотных глаз к месту. Я хотела что-то сказать, поприветствовать его в конце концов, но не могла найти слов, слишком пораженная увиденным.

Ассистент, тем временем, увел несчастного, и дяря первым произнес, как ни в чем ни бывало:

— Прости за ожидание, Дэя.

Сглотнув, я с трудом кивнула, стараясь не выдать охватившего меня смятения.

— Ничего страшного, дяря. Я не так долго ждала.

— Полагаю, ты определилась, раз пришла сюда?

Альтериус слегка склонил голову к плечу, осмотрев меня с ног до головы, и было в его взгляде нечто такое, что мне вдруг стало неловко за форму горничной, которую я по-прежнему носила.

Дело в том, что от зендарийской одежды я избавилась в первый же день, а купленное на время поиска работы платье не выдерживало никакой критики, и тоже отправилось в мусор после устройства в резиденцию.

Все вполне соответствовало моей легенде, и все же, в тот момент мне отчего-то стало мучительно стыдно.

— Да... а что с тем человеком? — я решила переключить внимание на куда более важную вещь

— У него, хм... болезнь души. Мы пытаемся понять, способна ли помочь в таких случаях менталистика, — спокойно пояснил дяря, внимательно всматриваясь в мое лицо.

А на нем, несомненно, появилось облегчение. Если дяря и занимался ужасными вещами, то определенно не собирался демонстрировать это мне.

Хотя имя Вайны, которое я успела увидеть в том коридоре, непрозрачно намекало, что в резиденции отнюдь не только ищут способы исцеления душевнобольных.

— Думаю, у меня есть пару часов, — дяря посмотрел за окно, а затем подошел к манипуляционной с номером четыре, открыл дверь и сделал приглашающий жест: — Проходи.

Глава 11

Сколько бы я ни храбрилась, а мне никак не удавалось держать себя в том состоянии, в котором хотелось бы, не получалось сохранять хладнокровие, как нас учили.

Да и кто смог бы, оказавшись один на один с дияром Конклава в подобном месте?

За дверью оказалось небольшое квадратное помещение максимум десять шагов в длину, освещенное всего двумя тусклыми шаросветами. Однако их слабого света хватало, чтобы разглядеть необычность отделки стен, потолка и пола, они были обиты тканью.

Поверхность под ногами полностью скрадывала шаги, потому как тоже оказалась мягкой, будто ступаешь по плотно набитой подушке.

В стене слева угадывался вмонтированный в нее шкаф без ручек, а по центру стояли два стула, один вполне обычный, а второй выглядел так, что мне невольно захотелось отказаться от всей этой затеи. Дело в том, что он был привинчен к полу и оснащен ремнями на ножках и подлокотниках, не оставляя сомнений в их предназначении.

В животе заворочался холодный тяжелый ком, к горлу подступила тошнота. Нервно сжав руки в кулаки, я обнаружила, что и ладони вспотели, с головой выдавая охватившее меня напряжение.

— Все в порядке, Дэя? — спросил дияр, закрывая за нами дверь, и ощущение, что я оказалась в ловушке, войдя в нее добровольно, стало еще сильнее.

— Нет, — я решила быть честной. — От этого места не по себе.

— Вполне нормальная реакция, — губы Альтериуса тронула едва уловимая улыбка, в полумраке комнаты показавшаяся мне зловещей. — Но здесь тебе будет проще отключиться от всех отвлекающих факторов.

Все тело невольно вытянулось в струну, когда он прошел мимо меня, чуть задев плечом, и сделал приглашающий жест:

— Присаживайся, — сам он опустился на обычный стул. — Не волнуйся, это, — он указал взглядом на ремни, — для буйных. Тебе ничего не угрожает, Дэя.

Судя по словам дияра, все мои мысли и опасения были буквально написаны на лице. Стало немного стыдно за свою реакцию, если отбросить все обстоятельства, он ведь весьма великодушно взялся мне помочь, не прося ничего взамен, а я, получается, вела себя мягко говоря неблагоприятно.

Отвесив себе мысленную оплеуху, я взяла себя в руки и села напротив, всячески пытаюсь продемонстрировать, что не жду от человека напротив подвоха.

— Что мы будем делать? — спросила я с напускной непринужденностью.

— Для начала поговорим. Ты прочла книги, что я подобрал для тебя?

Неуверенно кивнув, я честно призналась:

— Прочла. Но не уверена, что поняла все, что в них написано.

— Ничего страшного, главное, чтобы мы говорили на одном языке. Итак, я объясню, чем мы будем заниматься в ближайшее время, не стесняйся задавать вопросы, если что-то не понимаешь, — он замолчал и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: — В первую очередь тебе необходимо научиться взаимодействовать с истоком. Ты ведь чувствуешь его, не так ли?

— Да, — я снова кивнула. — Простите, но... что он такое?

— Не извиняйся, Дэйдре, просто спрашивай, — мягко поправил Альтериус, и откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу. В отличие от меня дияр явно не чувствовал ни малейшего стеснения. — Мы до конца не понимаем, что такое исток на самом деле. Знаем лишь, что он является первоосновой всего живого, это своего рода материя, которая присутствует во всем — в тебе, во мне, даже в стуле, на котором ты сидишь. Некоторые люди рождаются

со способностью воспринимать эту силу, и в зависимости от типа материи, с которой человек способен взаимодействовать, он называется жизнетворцем или магосозидателем.

— Не может быть! — выпалила я прежде, чем успела подумать, и замерла в осознании, какую глупую ошибку допустила.

К счастью, Альтериус воспринял это восклицание по-своему.

— Понимаю, — усмехнулся он. — Не слишком приятно думать, что мы в некоторой степени имеем сродство с людьми, устроившими для жизнетворцев геноцид. Однако не стоит винить нынешних жителей континента за преступления их предков. Я знаю, что нам выпало родиться в непростое время, и не вся молодежь одобряет развитие дипломатических отношений с Зендарией, но поверь, они не являются ошибкой, — голос дияра стал доноситься будто сквозь вату, я почувствовала, как закружилась голова, и комната поплыла перед глазами. — Если мы не научимся идти навстречу друг другу, не оглядываясь на прошлое, всех нас не будет ждать ничего хорошего.

Альтериус продолжал говорить, и я старалась делать вид, что слушаю его, тогда как на самом деле чувствовала, будто падаю в пропасть.

В голове будто что-то треснуло, надломилось, слишком сильно то, о чем говорил дияр, отличалось от того, чему меня учили в пансионе.

Темные мастера искажают суть вещей, превращают живых существ в чудовищ, а сила, что дает им такое могущество — заражает мир и отравляет Двуетерную Матру.

Так мне говорили из года в год, и не находилось ни единой причины не верить словам седовласых учителей. Но если магосозидатели берут начало от той же силы, то?..

— Получается... — глухо произнесла я, когда дияр замолчал. — Мы с магосозидателями две стороны одной медали?

— Меткое сравнение, — похвалил меня Альтериус. — Суть, во всяком случае, передает. Вернемся к насущному?

Я кивнула, решив, что хорошо обдумаю все услышанное позже. Просто не могла справиться с лавиной мыслей и чувств, и потому предпочла отстраниться от них.

Дияр, конечно, понял мое смятение по-своему, однако слишком бурная реакция, продлившись она слишком долго, неизбежно навела бы его на ненужные мысли.

Альтериус вдруг подался вперед, оперевшись локтями в колени, и заглянул мне в глаза.

— Обычно для того, чтобы научиться контролировать исток, требуются годы практики. Ты знаешь, что в подмастерья берут с четырнадцати лет, примерно к этому возрасту ребенок учится интуитивно управлять им под руководством учителя. Чтобы сократить этот срок до нескольких недель, мне понадобится *показать* тебе, как это делать.

— Разве такое возможно? — осторожно уточнила я.

— Для дияра моей специализации — да. Однако, ты должна доверять мне, Дэйдре. Взаимодействие такого уровня может быть очень болезненным, если ты будешь отторгать вмешательство, и к тому же, станет контрпродуктивным. И буду честен, вряд ли без этого обойдется. Не знаю, чем успел тебя так сильно напугать, но чувствую, что ты нервничаешь, поэтому обязан предупредить о возможных трудностях.

Альтериус внезапно протянул руку и коснулся моей ладони, и я вздрогнула от неожиданности этого прикосновения, чувствуя, как по телу будто молния прошла.

Сердце почему-то пропустило удар, и глаза невольно широко распахнулись, уставившись на мужчину напротив в немом вопросе.

Так некстати в голову пришла неуместная мысль, что дияр довольно молод и хорош собой, от которой нечто внутри дрогнуло, и мне хотелось верить, что это от страха.

— Об этом я и говорю, — усмехнулся Альтериус. — Вздрагиваешь просто потому, что я коснулся твоей руки. Вот как мы поступим, Дэйдре. Сегодня мы не станем заниматься кон-

тролем истока, вместо этого я предлагаю тебе уникальную возможность — заглянуть в голову дияра. Что скажешь?

Глава 12

Если бы я рассказала Лирайне, что самый настоящий дияр Конклава предложил мне узнать его мысли, она бы точно не поверила. Честно говоря, и мне верилось с трудом.

— Вы... шутите? — недоверчиво поинтересовалась я.

— Нисколько. Обращайся ко мне на «ты», я не настолько старше и лишняя дистанция нам ни к чему, — произнес Альтериус и наконец отстранился. — Думаю, это самый простой способ быстро снять с тебя напряжение.

— И вы... — я замялась, чтобы сделать над собой невероятное усилие и выдавить: — ...ты готов пойти на такое?

Обращаться к человеку, сидящему напротив, столь панибратски само по себе звучало как испытание. Я физически ощущала непреодолимую пропасть между нами, и подобный тон общения делал ситуацию еще более нереальной.

— В том-то и дело, Дэйдре, я не вижу в этом ничего «такого», — пояснил дияр. — Это нужно понять и тебе. Лучше один раз сделать, чем десять раз услышать. Так что скажешь?

Тяжело вздохнув, я попыталась отстраниться от переживаний, которых на мою голову свалилось слишком много, и постаралась немного отпустить ситуацию.

— Думаю, особого выбора у меня нет?

— Выбор есть всегда, Дэя, этот факт и делает нас людьми, — спокойно ответил Альтериус, внезапно встал и уверенным широким шагом направился к шкафу в стене.

Пока он искал в нем что-то, я немного расслабилась из-за отсутствия зрительного контакта, и позволила себе спросить:

— Зачем вы... ты все-таки делаешь это для меня?

Дияр ответил не сразу, он нашел то, зачем пошел к шкафу, и вернулся, держа в руках широкую полоску черной ткани.

— Давай, пожалуйста, именно это я тебе и покажу, — внезапно произнес он. — Причину, по которой заинтересован в том, чтобы тебе помочь. Думаю, мы с тобой немного похожи, Дэйдре, я не могу пройти мимо.

Захотелось рассмеяться. Этот мужчина всерьез считал, что между нами может быть хоть что-то общее.

Между мной, сиротой, воспитанной для того, чтобы уничтожить подобных ему, и дияром Конклава, не знающим нужды и держащим чужие судьбы в своих руках.

— А это?.. — я красноречиво посмотрела на полоску ткани.

— Мне придется завязать тебе глаза, — ответил он и усмехнулся, когда увидел, с каким ужасом распахнулись мои глаза, а тело вытянулось в струну. — Мы будем делать так всегда, но не переживай. Во-первых, так тебе будет проще в будущем не отвлекаться на визуальную информацию, а во-вторых, ты не увидишь то, как проявляется мой исток. Нам ведь не нужно пугать тебя еще сильнее, чем уже есть?

Все внутри меня отчаянно протестовало, хоть я и понимала, что не имею особого выбора. Тем более, что если верить описаниям учителей, дияры действительно представляли собой не самое приятное зрелище.

— Хорошо, — напряженно произнесла я. — Давай попробуем.

Губы Альтериуса тронула странная улыбка, и он исчез из поля зрения, встав у меня за спиной.

Наверняка дияр видел, с какой силой мои пальцы сжались на подлокотниках, побелев от напряжения, но к счастью, никак комментировать не стал.

В следующее мгновение лица коснулась прохладная ткань, и тут же повязка резко затянулась, кажется, будто сильнее, чем требовалось.

Я невольно вздрогнула, наверняка надумывая, что движение, которым он завязал мне глаза, было слишком порывистым.

— Расслабься, Дэйдре, — коснулось моего уха горячее дыхание, вызвав прямо противоположный эффект.

Сердце в груди отчего-то быстро заколотилось, усиленно качая кровь, которая разнесла необъяснимый жар по телу. Может, дело было в том, что темнота отсекала весь мир перед глазами и обострила другие органы чувств?

Поразмышлять над этим вопросом мне не удалось, потому как в следующую секунду я почувствовала холодок, пробежавший вдоль позвоночника. Кажется, волосы вздыбились не только на руках, но и на ногах, и даже на затылке.

В тот момент меня охватило странное ощущение, будто за спиной у меня стоит сама смерть. И что самое странное, ей отзывалась чернота в моей собственной груди, забившаяся едва ли не сильнее, чем сердце.

На голову легли прохладные руки, и странным образом им удалось обхватить ее полностью. Разве они были настолько большими?..

В следующую секунду в виски будто вонзились десятки раскаленных игл, однако прежде, чем я успела по-настоящему почувствовать эту боль, она исчезла, как и ощущение собственного тела.

Паника охватила сознание, парализуя его в отрыве от телесных ощущений.

«Дэйдре» — позвал меня голос, будто бы мой собственный, но другой. — *«Я буду считать от десяти до одного. Представь, что идешь на мой голос».*

И я представила, что действительно делаю шаг вперед на каждый счет.

Хрупкая мальчишеская фигурка застыла у двери, отчаянно прислушиваясь к тому, что происходило за ней.

Все вокруг говорило о том, что дела в этом доме плохи: кажется, будто каждая доска устала дышать, и готова вот-вот с треском прекратить свое существование.

У очага почти не осталось дров, на столе стояла лишь кружка с молоком и черствый кусок хлеба, который не стал есть мальчонка в латанной одежде.

Гораздо больше, чем голод, его сейчас интересовало состояние матери, с которой отец заперся в родительской спальне. Оттуда глухо доносились прерывистые вздохи, перемежающиеся с сухим надрывным кашлем, от которого мальчик то и дело вздрагивал.

Ему было всего восемь, но он уже слишком хорошо понимал, что значит усталый и потухший взгляд никогда ранее не унывавшего отца.

Мать угасала, и у них не было денег, чтобы оплатить достойное лечение. Не было даже возможности хорошо накормить младшую сестру, которую вчера на время отправили к тетке в деревню.

Мальчик плотнее прижался к щели, когда услышал голос папы:

— Тара, — тихо произнес он. — *Я пойду к дяряу Хортусу. Прошу, родная, продержись еще немного.*

Женищина, прикованная к постели попыталась рассмеяться, но зашлась в приступе кашля.

— Да кому мы нужны? — хрипло прокаркала она. — *Думаешь, у дяря нет более важных дел, чем ходить по домам бедноты?*

— *Может, он отправит кого-нибудь, настоящего целителя, — с болью, граничащей с отчаянием, произнес мужчина.*

— *Отправит. А платить мы чем будем? Со мной все кончено, ты знаешь. Прошу, позаботься о детях. Помоги Альтериусу не стать таким же, как мы, он должен развить свой дар. Наш талантливый мальчик, кха-кха...*

Женщина снова закашлялась, еще дольше и сильнее, и на сей раз из ее груди донесся нехороший булькающий звук.

Мальчик до боли сжал руки в кулачки. Он понимал, что совершенно бесполезен, ребенок ведь не способен ни на что повлиять в мире взрослых. Но именно тогда поклялся себе, что если мама снова станет здоровой, он никогда не допустит, чтобы подобное повторилось.

Его семья не будет больше выбирать между жизнью и куском хлеба.

А на следующий день отец уехал, наказав ни за что не отходить от матери и делать все, о чем бы она ни попросила. Но мама молчала, только слабо улыбалась, сжимая его руку и глядя так, будто видела в сыне все, с чем оказалась вынуждена так рано попрощаться, и ни о чем не жалела.

Прошло не больше суток, когда дверь в их скромную лачугу распахнулась, за порогом стояла глубокая ночь. Первым вошел отец, а за ним — огромный мужчина в дорожном плаще, Альтериусу он показался похожим на медведя.

— Поклонись, Альт, — произнес отец, глядя на сына так, будто забыл, что он ждет его дома. — К нам приехал сам дияр Хортус, мы вовек не расплатимся за такую честь.

Мальчик неловко склонил голову, не до конца понимая, сколь величественная фигура их посетила, но все же не решался поднять взгляд на позднего гостя.

Тот тяжелым шагом приблизился к нему и внезапно потрепал по волосам огромной, но удивительно теплой рукой и произнес:

— Не бойся, малец. Все будет хорошо, — и обернулся к отцу, добавив: — Что я за дияр, если стану забирать последнее у своих людей?

С этими словами он отправился в спальню, где лежала мать, и закрыл за собой дверь.

Альтериус еще не знал, что этот визит действительно спасет их семью от невосполнимой утраты. Однако точно понял, что хочет стать таким же, как этот мужчина, когда вырастет.

Из видения я вынырнула резко, будто выплыла из темной воды.

Перед глазами, закрытыми повязкой, по-прежнему царил чернота, но она не могла и на малую долю сравниться с той, что охватила грудную клетку.

В следующий миг в легкие ворвался воздух, и я сделала судорожный вдох, окончательно возвращаясь в тело.

Область висков неприятно сковало от ощущения, будто нечто инородное покидает их, как черви, выползающие из земли после дождя.

— Дя, — мягко позвал голос взрослого дияра, и я почувствовала, как он стал развязывать повязку. — Как себя чувствуешь?

Лучше бы он не спрашивал, потому что так плохо мне не было, кажется, никогда, и вовсе не физически.

Слабо понимая, что делаю, я наугад оттолкнула руки, что собирались развязать мне глаза, и согнулась пополам, уткнувшись в собственные колени.

Все внутри меня разрывало от невыносимой тоски и боли, от слез, невыплаканных за всю жизнь, что теперь жгли глаза.

Плакать я себе запретила еще в детстве, последний раз, кажется, сделав это на руках у графа Варинтона, и теперь не знала, как справиться с чувствами, выворачивающими душу наизнанку.

Альтериус был прав, мы действительно оказались похожи. Только его семью от трагедии спасли, и не кто-то, а дияр — худшее из чудовищ Конклава, как нам говорили.

На плечо, чуть подрагивающее от беззвучно сдерживаемых рыданий, легла большая теплая рука, почти такая же, как в воспоминаниях маленького и беспомощного мальчика.

— Все будет хорошо, Дэйдре, — уверенно произнес дияр.

А я тогда сжала дрожащими пальцами ткань юбки и подумала, что лучше бы и мы родились чудовищами. Они по крайней мере умели заботиться друг о друге, в отличие от нас.

Глава 13

Осторожно открыв том, посвященный исследованиям в области изучения истока, уже девятый за последние несколько дней, я вздрогнула, когда услышала за спиной голос, полный одновременно едкости и сочувствия:

— Бессовестно так загружать тебя чтением, — Шайла поправила рыжий локон, по обыкновению не желавший спокойно занимать свое место в прическе.

Я покачала головой:

— Это не диар, мне самой стало интересно.

Мягкая формулировка для чувства иного толка. Не могу сказать, что вспылала страстью к академическому знанию, но испытывала почти физическую потребность разобраться, сколько истины в том, что мне с детства вбивали в голову.

Помню, с каким опустошением вернулась в свою комнату после того случая в манипуляционной. С тех пор мы с диаром не встречались, Альтериус сказал, что полноценные занятия мы можем начать тогда, когда я сочту себя готовой.

— Будешь столько сидеть за книгами, станешь горбатой, — назидательно подняла палец библиотечарь. — Пойдем, поможешь отнести мне книги на место, заодно проветришься.

За несколько дней, проведенных в библиотеке почти безвылазно, мне уже стало ясно, что спорить с этой девушкой бесполезно, поэтому я со вздохом отложила книгу, которую собралась читать и поднялась из-за стола.

Шайла тут же вручила мне увесистую стопку фолиантов, Впрочем, для меня куда более легкую, чем для нее, и засеменила вперед.

Библиотечарю удивительным образом удавалось отвлечь меня от тяжелых мыслей, возможно, дело было в том, что мы ровесницы, но только на то время, когда мы разговаривали. Сейчас, глядя на ее спину, я вновь скатилась в хандру.

Тошно было на душе почти так же, как когда я поместила волос, который нашла на своей одежде, в специальную склянку и спрятала на самое дно ящика с нижним бельем. Он явно принадлежал диару, но вместо облегчения и триумфа от первого успеха, ко мне пришла только отвратная липкая горечь.

Я убеждала себя, что всего лишь делаю то, что мне поручили люди, которым я верна, но не могла делать вид, будто не знаю, зачем собираю биоматериал, а все перестало быть таким простым и понятным.

За ответами я отправилась в библиотеку, но чем больше читала, тем хуже себя чувствовала, лишь утверждаясь в мысли, что Альтериус не ввел меня в заблуждение относительно истока.

— Дзя? — позвала Шайла, звонко прорываясь сквозь пелену мрачных мыслей. — Ты в порядке?

Только теперь я осознала, что даже не заметила, как девушка остановилась у нужного отдела и прошла мимо нее.

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно и совершенно неубедительно ответила я. — Просто задумалась.

Шайла сложила руки на груди и уперлась плечом в торец стеллажа, смерив меня пронизательным взглядом с ног до головы.

— Послушай... — начала она и замялась. — Твое платье... его же диар подарил?

Взгляд сам собой опустился вниз, на струящуюся черную юбку.

Альтериус действительно сделал весьма странный жест, и мой гардероб пополнился несколькими нарядами, исключительно черными и практичными, в этом очень похожими на то, во что одевался сам диар, но куда более изысканными.

В этой одежде я совсем не походила на горничную, и признаюсь, испытывала неудобства, став слишком заметной, однако отклонить такой подарок посчитала оскорбительным.

Видимо, мне не показалось, и дяря действительно обратил внимание, что никаких других вариантов, кроме формы горничной, у меня нет.

— Как ты поняла? — я удивленно вскинула брови.

— Да так, — неопределенно протянула Шайла. — В его вкусе просто, — девушка снова сделала паузу, но все же спросила: — Скажи, он просто от широты душевной или между вами?..

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, на что она намекает.

— Нет! Что ты! — возмутилась я. — Шайла!

— Не обижайся. Просто он взялся тебя учить, подарки дарит... Ладно, это неважно, главное, что я ошиблась, ты в безопасности и это не причина, по которой ты так тяжело вздыхаешь, когда читаешь. Не хотелось бы в нем так сильно разочароваться, — девушка, пожалуй, несколько поспешно отвернулась и велела: — Подавай мне книги по одной.

Послушно вручив ей первый фолиант, который библиотекарь тут же отправила на положенное ему место, я с подозрением спросила:

— Шайла, ты хорошо знаешь дяря?

— Как сказать, — ответила она не оборачиваясь. — Иногда мне кажется, что я знаю о нем все, а иногда, что ничего.

Кажется, библиотекарь резиденции оказалась отнюдь не так проста, как показалась сначала, иначе стала бы она отвечать на мой вопрос подобным образом?

Сделав себе мысленную пометку, я не стала развивать тему, потому как нутром чуяла, что продолжать разговор Шайла не хочет.

Когда с книгами было покончено, она всплеснула руками, отряхнула юбку и вдруг произнесла:

— Пойдем, покажу тебе хорошее место.

— Что? — обескураженно спросила я. — Но я хотела почитать ту...

— Библиотека закрывается, — усмехнулась девушка. — Тебе хорошо бы поесть, да и я голодна страшно. Пойдем.

— Но ужин подавали пару часов назад, на кухне никого нет, — заметила я, тем не менее, позволив взять себя за руку и потянуть за собой.

— И прекрасно, — отмахнулась Шайла. — Возьмем что захотим.

— Нам влетит, — обреченно выдохнула я, но странным образом почувствовала такую легкость, какую не испытывала уже очень давно.

Библиотекарь хихикнула, обернулась и хитро прищурилась, произнеся веское:

— Не влетит.

И мне не захотелось задавать никаких вопросов, я просто позволила увести себя, даже помогла сделать сэндвичи на действительно тихой и пустой кухне, которые мы завернули в салфетки, прихватив еще и пару яблок.

Шайла долго вела меня путанными переходами, пока не нашла неприметную винтовую лесенку.

Мы поднялись по ней и оказались перед невысокой дверью, украшенной резьбой в виде остролиста, чтобы войти в нее вслед за девушкой, мне пришлось даже чуть пригнуться.

Стоило ступить за порог, и меня окутал свежий вечерний воздух.

Оказалось, что Шайла привела нас на крышу резиденции, с которой открывался дивный вид на бескрайние пустоши вокруг и мерцающий огнями город вдалеке.

Над головой уже зажигались первые звезды, и глядя на них, я почувствовала, как становится легче на душе.

— Здесь лучше чем в столовой, скажи? — с улыбкой спросила рыжая библиотекарь, разворачивая салфетку на высоком парапете.

— В тысячу раз! — отозвалась я совершенно искренне.

Помню, тот сэндвич показался мне вкуснее, чем все, что я пробовала до этого момента, хотя и представлял собой лишь самый обычный, да еще и подсохший, хлеб с мясом и сыром.

Тогда было так легко представить, что я вовсе не та, кого отправили в поисках способа погубить их всех: и великодушного дияра, и непосредственную девушку, с довольным видом жующую сэндвич, и мрачного Торгарда, и вообще каждого жителя пустошей.

Мне подумалось, что Лирайне тут тоже понравилось бы, и с Шайлой они бы точно подружились.

Глава 14

Уже четверть часа я стояла у двери кабинета дяря и не решалась в нее постучать, хотя понимала, что теряю драгоценное время и не только свое.

После того вечера с Шайлой на крыше резиденции мне удалось взять себя в руки и решиться на первое настоящее занятие, которое, быть может, поможет лучше понять, что такое на самом деле чернота в моей груди.

Все, что могли дать книги, они мне уже дали, хоть и не принесли ни покоя, ни понимания, как мне жить после выполнения задания.

Я ведь прекрасно понимала, что должна буду работать на орден еще пятнадцать лет, и не важно, как сильно изменится мой взгляд на вещи в процессе.

Утром я попросила камердинера передать дяря, что готова начать обучение, и уже в обед он сообщил, что Альтериус велел подойти в его кабинет после ужина.

Очевидно, что никто не собирался дозволять мне свободно разгуливать по самой закрытой части южного крыла без сопровождения.

Однако всю решимость я растеряла, когда на самом деле пришла сюда и застыла перед дверью, чувствуя как от волнения вспотели ладони.

С одной стороны, я не знала, как после той непозволительной вспышки эмоций смотреть дяря в глаза, а с другой — не могла перестать думать о волосе, спрятанном в склянке на дне ящика комода.

— Дя, не хочу тебя торопить, но времени у меня не так уж много, — глухо донеслось из кабинета, заставив меня вздрогнуть всем телом.

К щекам прилила кровь: Альтериус все это время был в курсе, как я мнусь у порога, и чувства нахлынули такие, будто меня застали за чем-то постыдным.

Осознав, что стучаться бессмысленно, я глубоко вдохнула и повернула ручку.

— Прошу прощения, — неловко извинилась я, входя в кабинет и прикрывая за собой дверь. — Надо было сразу сказать, что вы... ты знаешь, что я здесь.

Взгляд поднялся от пола к дяря, и на мгновение я растерялась, увидев его будто впервые.

Теперь, когда у меня не осталось морального права считать каждого житнетворца безусловным злом, а сам Альтериус поделился со мной небольшим, но вероятно, самым важным кусочком собственного детства, с глаз будто пелена спала.

Дяря сидел за своим столом, слегка откинувшись на спинку кресла, как всегда расслабленный, но при этом собранный, и смотрел на меня без малейшего раздражения, хоть и имел на него право.

Пауза длилась долю секунды, за которую сознание зачем-то решило подметить и то, как отблески закатного солнца играют в его волосах, и как чарующе они же оттеняют глубокий взгляд болотных глаз.

— Я рад, что наш небольшой эксперимент сработал, — вдруг загадочно улыбнулся Альтериус, и только теперь я почувствовала то самое едва уловимое движение воздуха у висков.

Сказать, что в тот момент мне захотелось в буквальном смысле провалиться под землю — ничего не сказать, однако дяря не дал мне с головой погрузиться в чувство стыда, встав из-за стола и произнеся:

— Все в порядке, Дя. Не переживай, в твоих эмоциях нет ничего предосудительного.

— Я и не переживаю, — нервно соврала я. — Вы... ты не можешь не делать этого? Это же нечестно.

— Что именно?

— Без спроса выведывать те эмоции, которые человек не хочет показывать.

Дияр остановился рядом со мной, пожалуй, слишком близко, сложил руки на груди и внимательно посмотрел в глаза.

Очень хотелось отвести взгляд, и стоило невероятных усилий заставить себя не сделать этого.

— А если человек хорошо разбирается в мимике и языке тела, его способность считывать состояние собеседника тоже будет несправедливой? — Альтериус вскинул бровь.

Вопрос меня обескуражил, потому как с этой стороны я посмотреть не пробовала.

— Не знаю, наверное... нет?

— А ведь разницы нет никакой, — усмехнулся дияр. — Я менталист, Дэйдре, для меня естественен этот способ восприятия. Скажем, ты ведь тоже можешь закрыть уши, чтобы не слушать, верно? Но вряд ли будешь при этом чувствовать себя комфортно.

— Но чтение мыслей ведь запрещено кодексом, чем отличаются чувства? — неуверенно возразила я, совершенно не готовая к этому разговору.

— Всем, — ответил Альтериус веско и емко. — Ты ведь прочла книги, что я просил? — дияр дождался утвердительного кивка и продолжил: — Тогда ты должна знать, что зонды менталистов отличаются от других жизнетворцев. Уже по этому одному факту я могу заранее сказать, что к моей специализации ты отношения не имеешь. Во всех остальных случаях взаимодействие без тактильного контакта невозможно, мы же на это способны, но лишь поверхностно, о чтении мыслей, управлении сознанием, работе с памятью и тому подобном речь не идет. Это как дополнительный орган чувств, с которым ты либо рождаешься, либо нет, и контролировать ты его учишься, но полностью избавиться не можешь.

— Тогда это значит, что ты все время чувствуешь людей вокруг? — нахмурилась я.

— Все так, — кивнул дияр. — Хотя стараюсь излишних контактов избегать.

Признаюсь, жизнь менталиста мне представлялась совсем иначе, как нечто полностью подконтрольное, как удача родиться с силой, дающей невообразимое преимущество над другими людьми.

— Это... утомительно, наверное, — произнесла я после недолгой заминки, и Альтериус вдруг издал глухой смешок.

— Временами, но больше полезно. Хотя мысль для человека, который родился без этой способности, весьма занятная, — усмехнулся он, а затем бросил взгляд за окно, где солнце почти скрылось за горизонтом. — Пойдем, не будем терять время.

Глава 15

Все время, что мы шли к манипуляционным, я как мантру повторяла себе строчки из кодекса менталистов:

«Любое воздействие на сознание от третьего уровня и далее на сознание реципиента без его явного согласия, либо письменного разрешения дияра строго запрещено. Исключение составляют случаи прямой угрозы жизни и безопасности. Нарушение данного правила карается лишением права на практику и заключением на срок до пяти лет».

Отдельный блок кодекса посвящался полномочиям дияра, который очевидно, мог бы выдать сам себе сколько угодно разрешений, если бы не был ограничен дополнительно.

Благодаря этим условиям он также не имел права влезать в мою голову без прямого согласия, и эта мысль почему-то успокаивала, хоть я и понимала, что неизбежно это самое разрешение дам в процессе обучения.

За размышлениями я и не заметила, как мы миновали мрачный коридор с именами людей на табличках, и остановились у двери все той же манипуляционной, которую Альтериус открыл и сделал приглашающий жест, пропуская меня вперед.

Испытывая небывалый мандраж, я вошла в помещение, как на казнь, и на негнущихся ногах проследовала к стулу с ремнями.

— Дэйдре, тебе нужно успокоиться, — мягко отметил дияр. — Сложно будет только в первый раз, потом ты поймешь, что в этом нет ничего страшного и станет проще.

— Если только я это пойму... — с сомнением протянула я.

— Я в тебе не сомневаюсь, так что не сомневайся и ты, — усмехнулся Альтериус. — Между прочим, сразу подумал, но к слову не пришлось, — он смерил меня оценивающим взглядом: — Тебе очень идет.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы переключить мысли и понять, что дияр говорит об одежде, а затем спохватиться:

— Прости! Совсем забыла поблагодарить, — смутилась я. — Где, спрашивается, мое воспитание...

— Ерунда, — махнул рукой Альтериус. — Я не напрашивался на благодарность, просто хотел сделать комплимент. Тебе нравится?

— Да, очень, хоть и непривычно, — я рассеяно коснулась пальцами очевидно дорогой ткани, какой воспитанницам пансиона никак не полагалось.

— Вот и хорошо, — пожал плечами дияр и направился к скрытому в стене шкафу, оставив меня в смятении.

Не знаю, действительно он хотел сказать мне приятные слова, или понял, что таким образом сможет отвлечь от мыслей, доводящих меня до нервной дрожи, но в любом случае это сработало.

Пока дияр искал повязку, я невольно опустила на себя взгляд, рассматривая лиф черного платья, украшенный деликатными кружевами, и один их вид говорил о том, что стоил этот предмет гардероба заоблачных для меня денег, а их дияр подарил несколько.

Не уверена, правильно ли поступила, принимая такой дар, но чувствовала, что Альтериус не вкладывал в него подтекста, и потому терзалась сомнениями не слишком долго.

В конце концов, разгуливать по резиденции в наряде горничной и правда выглядело бы странно.

С другой стороны, Альтериус обладал, пожалуй, даже слишком хорошим вкусом, и в выбранной им одежде меня стало легко принять за леди.

Я начала ловить на себе куда более заинтересованные взгляды, чем раньше, когда сталкивалась с другими жителями резиденции, и некоторую зависть со стороны девушек, с которыми изначально работала.

Все это заставляло меня чувствовать себя крайне неудобно, ведь сколько себя помню, я всегда старалась быть как можно незаметней.

Наверное, сказывалась травля из-за слишком высокого роста и подростковой худобы, которая делала меня не только вытянутой «жердью», но еще и нескладной и угловатой, пока фигура не поменялась с возрастом.

Однако странно, но получить комплимент от дияра оказалось... приятно? Да, пожалуй.

Может, дело было в том, что он и сам был достаточно высок, и рядом с ним я чувствовала себя так, как, наверное, себя всегда чувствует большинство девушек всегда, а может, он просто смотрел не так, как другие.

— Прошу прощения, — моего уха коснулось дыхание дияра, заставив вздрогнуть от неожиданности и рефлекторно сжать пальцами юбку.

Пока я предавалась размышлениям, Альтериус каким-то образом успел оказаться за моей спиной и теперь накинул мне на глаза повязку, в этот раз завязывая ее куда аккуратней.

Все-таки мне не показалось, тогда он сделал это слишком резко. Но почему?

— Дзя, сейчас мы попробуем поработать с тобой, — мягко произнес дияр, не дав мне продолжить задаваться вопросами. — Ты должна быть готова к тому, что на этом уровне взаимодействия я буду слышать твой внутренний голос. Чтобы тебе было комфортнее, я сделаю так, чтобы и ты слышала мой. Представь, что мы как обычно разговариваем и постарайся не сопротивляться, иначе тебе может стать крайне больно.

Альтериус закончил с повязкой, и я постаралась расслабиться в наступившей темноте, но не удержалась от нервного:

— Какая тонкая у тебя специализация, приходится столько думать о чужом комфорте.

— Да, — коротко подтвердил дияр, не уловив или намеренно проигнорировав сарказм. — Начнем?

Сглотнув, я медленно кивнула, но все же вздрогнула, когда почувствовала, как атмосфера за спиной стала почти осязаемо давящей, послышались странные щелчки, и вскоре на голову легли слишком большие руки. Определенно, они были намного крупнее, чем я видела, теперь в этом не оставалось сомнений.

Стараясь не думать, какие видоизменения происходят с диярами в момент проявления истока, я сосредоточилась на других ощущениях, и надо признать, весьма неприятных.

Погрузившись тогда в воспоминания Альтериуса, я почти сразу потеряла связь с телом, а затем и с собственным «я», в этот раз все было иначе.

Проникновение зондов в голову чувствовалось сначала так, будто под кожу вонзились десятки игл, которые затем прошли ее всю, нитями распространяясь по всему содержимому черепа. Теоретически я была к этому готова, но на практике почувствовала, как начинаю паниковать.

«Спокойно, Дэйдре», — прозвучало в моей голове. — «Все в порядке, ты молодец».

Сглотнув, я приготовилась к своему первому хождению по минному полю, что звалось дияром Альтериусом.

Глава 16

Слышать чужой голос в голове и одновременно чувствовать не прекращающие воздействовать на мозг зонды оказалось невероятно странно и пугающе.

«Ты просто не привыкла», — мысленно произнес дияр. — «Но справляешься очень хорошо, я думал, будет труднее»

«Ты вообще все слышишь?!» — возмутилась я.

«Все. Однако не стоит переживать, Дэя. Поверь, о чем бы ты ни думала и что бы ни чувствовала, я не стану тебя осуждать. Столько всего я видел и слышал в чужих головах, что тебе волноваться определенно не о чем».

Слова дияра должны были успокоить меня, но вместо этого привели к обратному.

Захотелось, чтобы вонзившиеся в голову нити немедленно покинули ее, к горлу подкатил твердый ком, и в следующую секунду виски вспыхнули невыносимой болью, будто кто-то вбил в них раскаленные гвозди.

«Дэйдре, успокойся», — в «голосе» Альтериуса появилось напряжение и строгость. — «Если будешь сопротивляться, мне придется либо прервать контакт, либо навредить тебе. Последнее я делать не намерен».

Легко сказать: «Успокойся», когда полностью контролируешь ситуацию, и гораздо труднее это сделать, когда находишься в столь уязвимом положении.

«Я тебя не обижу, Дэйдре. Я здесь только для того, чтобы помочь, и все», — настойчиво произнес дияр. — «Доверься мне».

В груди болезненно потянуло, и чтобы не допустить хода мыслей в ненужную сторону, я с силой глубоко вдохнула, посчитала до десяти и напряженно подумала:

«Верить нельзя никому».

Стоило сосредоточиться на другом, забыв о зондах в голове, как боль действительно стала отступать мягкими волнами.

«В тебе говорят перенесенные страдания, Дэя. Жить с таким восприятием мира все равно, что не жить вовсе», — настойчиво произнес дияр. — «Если тебе и правда некому верить, то верь мне».

Сердце пропустило удар.

Никогда прежде мне никто не говорил таких слов, и даже... не важно. Значение имело лишь то, что мне до боли захотелось принять это странное предложение, хотя вряд ли я имела на это право.

«Имеешь», — веско «подумал» Альтериус. — «Итак, пока ты спокойна, готова попробовать соприкоснуться с истоком?»

Усилием воли разжав пальцы, которые затекли от того, что все это время нервно сжимали юбку, я медленно кивнула. И все равно оказалась не готова к тому, что последует дальше.

Все внимание, будто не по моей воле, резко обратилось к темному комку, пульсирующему рядом с сердцем, а затем его словно обволокло целым потоком черноты.

Если мой исток походил на крошечный неровный сгусток, размером с кулак пятилетнего ребенка, то у Альтериуса он был сравним с бурной рекой.

«Сейчас я покажу, как пустить его в эфирные артерии, постарайся запомнить эти ощущения», — произнес он.

Все тело содрогнулось, и с губ сорвался тихий вскрик, когда исток дияра направил мой собственный в структуры, которые, кажется, всегда были в моем теле, но оставались незримыми.

Он действовал так, как рука взрослого направляет кисть ребенка, пытаясь научить выводить первые буквы.

Внутренности охватил пугающий жар, казалось, будто кровь в венах вот-вот забурлит.

«Не пугайся, это нормально. Побочный эффект от пробуждения артерий», — успокоил Альтериус.

Понадобилось время, чтобы немного привыкнуть и к непонятным ощущениям в теле, и к тому, что нечто сродни разуму действует согласно чужой воле. И удивительным образом, постепенно, мне стало очень спокойно.

Альтериус не торопил меня, молча давая возможность прислушаться к себе, пока я не сумела вычленив сознанием из общего потока и комков истока, и каждую «артерию», по которой распространялась его сила, и даже отделить дияра от себя самой.

«Не так уж и страшно, не так ли?» — с мягкой иронией поинтересовался тот.

«Кажется... не очень», — растерянно подумала я. — *«У меня получится так же самой?»*

«Обязательно, это даже не основы пока», — мысленно усмехнулся Альтериус. — *«На сегодня закончим, Дэйдре»*.

Признаюсь, когда обволакивающая чернота его истока отступила, я испытала легкое разочарование, успев за столь короткое время к ней привыкнуть. Мой собственный исток вновь сжался в пульсирующий комок, и внутри воцарилась полная пустота.

Промелькнуло даже нелепое сравнение, что это будто выскользнуть из объятий родного человека, и я понадеялась, что дияр его не успел считать, потому как зонды уже начали покидать мою голову.

— Прости, но успел, — разбил мои надежды Альтериус уже вслух, заставив кровь прилить к щекам. — Однако повторяю, ты не должна бояться осуждения с моей стороны. Что плохого в твоём сравнении? В каком-то смысле это действительно похоже на объятия.

— Ты можешь просто сделать вид, что не «слышал» этого? — взвыла я, полностью перестав себя контролировать.

И замерла, когда услышала тихий смех за спиной, едва слышимый, но невероятно искренний.

— Могу, но не буду. Тебе стоит разрешить себе быть живым человеком, Дэя, — произнес Альтериус с улыбкой в голосе. — Твоя реакция, она обворожительна, но к сожалению говорит о крайней неуверенности в себе.

Ловкие пальцы быстро справились с узлом на моем затылке, но честно говоря, в тот момент мне не захотелось с расставаться с повязкой и смотреть дияру в глаза.

Он же, будто специально, сел напротив, дождался, когда тусклый свет шаросветов перестанет казаться мне нестерпимо ярким после полной темноты, и с интересом всмотрелся в мое лицо.

— Хочешь обсудить, что почувствовала? — спросил он, придвигаясь ближе, и наши лица вдруг оказались очень близко друг другу.

Обоняния коснулся терпкий запах его тела, который прежде я не замечала.

Внезапно сердце зашло так, будто мне снова пустили исток по эфирным артериям, отдаваясь гулкими ударами в ушах.

Я настолько не понимала, что со мной происходит, что даже не придавала значения движению воздуха у висков, говорившем о том, что Альтериус считывает мои эмоции прямо сейчас.

Взгляд скользнул по совершенному лицу, замер на чувственных губах, но лишь затем, чтобы вернуться в глаза и попасть в ловушку, из которой, кажется, невозможно выбраться.

Не только я застыла, мы оба замерли, глядя друг на друга, и в какой-то момент мне показалось, будто осмысленность исчезла из глаз напротив.

Альтериус хищно прищурился, заставив меня невольно сглотнуть, и протянул руку, наверняка чувствуя, как по мере ее приближения еще больше учащается мой пульс. А затем

словно опомнился, с силой сжал ладонь в кулак, в каких-то миллиметрах от моей щеки, чуть помедлил и опустил его вниз.

— Обсудим в следующий раз, — мрачно произнес он. — Я провожу тебя до выхода из южного крыла.

Глава 17

Мне казалось, что после первого занятия, если оно вдруг пройдет успешно, я буду поглощена мыслями о том, как удачно смогла избежать разоблачения. Однако в результате испытывала целую гамму совершенно иных эмоций.

Дияр молча проводил меня до выхода, как и обещал, а затем сухо попрощался и ушел прочь, оставляя меня гадать о причинах его поведения и моих собственных реакций.

Оказавшись одна в своей комнате, я с предельным спокойствием закрыла за собой дверь, будто боялась, что кто-то увидит мое состояние, хотя коридоры резиденции в столь поздний час были уже совершенно пусты.

Прислонившись к прохладной поверхности спиной, я медленно сползла по ней вниз и села на пол.

— Что это сейчас было? — ошеломленно прошептали губы.

Сердце все еще билось слишком сильно, будто мне пришлось не пройти, а пробежать до восточного крыла.

Уронив голову на ладони, я прикрыла глаза и постаралась упорядочить безумный вихрь мыслей и ощущений внутри себя.

Вместо этого перед мысленным взором вспыхнул прищуренный взгляд, казалось, прожигающий насквозь.

Резко распахнув собственные глаза, я нервно рассмеялась, но следом за визуальным образом меня настиг другой, впрочем, куда более отрезвляющий.

«Если тебе и правда некому верить, то верь мне», — пронеслось в голове.

Как горько слышать подобное от человека, которого я сама ввожу в заблуждение, и не просто скрываю важную информацию, но и работаю на тех, кто хочет уничтожить его.

Резко встав, я подошла к комоду и принялась ворошить нижнее белье, не видя почти ничего перед собой.

К счастью, во время контакта мне удалось сдержаться и не подумать о Лирайне, которой несмотря на годы, проведенные вместе, полностью доверять я все же не могла. Иначе почему не рассказала о даре, который обнаружила в себе тем утром?

Пальцы нащупали спрятанные склянки и извлекли ту, в которой хранился темно-каштановый волос, принадлежавший Альтерису.

С ужасом и тоской я осознала, что больше всего на свете хочу выбросить ее и сделать вид, что ничего не знаю ни о каком ордене.

Если ранее и оставались сомнения, удавалось как-то убедить себя, что нужно хранить верность людям, которые дали мне все, то теперь я отчетливо поняла, как сильно не хочу иметь с ними ничего общего.

Притвориться, будто я и правда сирота, родившаяся в Конклаве и по воле случая обратившая на себя внимание одного из дияров.

Пальцы крепко сжали склянку, но затем хватка ослабла, взгляд стал пустым, и я положила ее на место, прикрыв бельем.

Я знала, что никогда не смогу себе этого позволить. И дело даже не в том, что орден обязательно отправит следом другую воспитанницу пансиона выяснить в чем дело и устранить предательницу. Даже за краткую возможность пожить другой жизнью я была бы готова заплатить эту цену.

Дело в том, что девочек, когда они подрастали, селили по двое не просто так. В пансионе не только не пресекалась, но и поощрялась глубокая дружба между соседками. Ведь в мире, где по-настоящему друг у друга были только мы, каждая становилась идеальным рычагом давления.

Если мне придет в голову поступить неправильно, Лирайна пострадает первой, и меня не постесняются уничтожить, чтобы наказать ее, если подруга оступится.

И хотелось бы позволить себе хотя бы каплю эгоистичности, но я просто не могла. Рисковать собой? Сколько угодно, не так уж ценна моя жалкая жизнь, но только не Лирой.

Упав на кровать и распластав руки в стороны, я вспомнила, как мы познакомились.

10 лет назад

— Посмотри на себя в зеркало! — издевательски засмеялась Милайна, и девчонки вокруг подхватили ее хохот, став похожими на стаю гиен. — Жердь!

Стоя у окна в холле жилого этажа, я сгорбившись прижимала к груди стопку книг и не смела поднять глаз. От унижения кровь прилила к щекам, но и достойных возражений не находилось.

Мне почти исполнилось десять, и тело действительно стало несуразно вытягиваться, выпячивая кости в тех местах, где не нужно. Даже острые колени торчали как у уличных мальчишек, из-за чего я всегда ходила принимать душ только дождавшись, когда остальные уснут.

— Она не только длинная жердь, она еще и кривая! — подхватила прихлебательница Милайны, вывав новую вспышку смеха.

Пальцы сжались на книгах сильнее, так, что побелели костяшки пальцев.

Ровесницы сомкнулись вокруг меня полукругом, оставив за спиной лишь стену, лишая возможностей к отступлению.

Милайна сделала шаг вперед и грубо толкнула меня в плечо, заставляя выронить книги, посыпавшиеся на пол.

— Подними, — ядовито приказала она. — Ты уронила.

Кто-то пнул один из учебников подальше под заливистый хохот остальных.

Я знала, что наклоняться нельзя ни в коем случае, только этого они и ждут, и все же не имела иного выхода. И представив, что я — это вовсе не я, будто смотря на себя со стороны, я стала медленно тянуться к ближайшей книге.

Слез не было, они все высохли четыре года назад, когда граф Варинтон подобрал меня на улице.

— Что тут происходит? — раздался спокойный, но твердый девичий голос.

Будто душой почувствовав, что его владелица надо мной издеваться не будет, я резко подняла взгляд.

Все тоже обернулись, в дверях, сложив руки на груди, стояла Лирайна — лучшая пансионерка нашего потока. Мы были одного возраста, но она выглядела так, будто намного старше, даже волосы заплетала в одну тугую косу, как взрослая.

Серые глаза, обрамленные густыми ресницами, смотрели на развернувшуюся сцену с холодным презрением.

— Не лезь не в свое дело, — напряженно огрызнулась Милайна. — Иди куда шла.

Она старалась держать лицо перед своими подхалимками, но прекрасно знала, что против Лирь не стоит выступать в открытую.

— Кто сказал, что не мое? — вскинула светлые брови Лирайна и с уверенно расправленными плечами подошла ближе. — Очень даже мое. Вы трое, — она указала на Милайну и ближайших к ней девочек, которые молча пережидали бурю, надеясь, что их она не коснется, — подберите книги Дэйдре и извинитесь.

— Или что? — внезапно подала голос одна из прихлебательниц Милайны.

Лирайна мило улыбнулась, а затем резко сделала шаг вперед, схватила девочку за запястье и слегка вывернула его, вызвав у оппонентки испуганный всхлип.

— Или я покажу, почему уже второй год первая на занятиях по самообороне, — пояснила Лира, продолжая улыбаться. — И поверьте, весело будет только нам с Дэйдре.

Милайна побледнела, и как только моя неожиданная защитница отпустила ее подругу, задрав нос произнесла:

— Мы уходим. Сами соберете свои книги.

С этими словами она отвернулась и пошла прочь, а следом засеменяли и остальные девочки, не желавшие попадать под раздачу.

Лирайна проводила их взглядом, дождалась, пока свора исчезнет из виду, а затем улыбнулась мне совсем другой, очень теплой и светлой улыбкой, и наклонилась, подбирая первую книгу. На секунду замедлившись, я тоже принялась собирать разбросанные учебники.

— Они всегда так? — спокойно поинтересовалась девочка.

— Почти, — призналась я. — Но я привыкла уже.

— Привыкать не надо, — твердо произнесла Лирайна. — Никто не должен терпеть такое, так что, если еще будут приставать, просто расскажи мне. Идет?

Лира вручила мне собранные ею книги, и я неуверенно кивнула, почувствовав, как впервые за долгое время губы складываются в робкую улыбку.

Тяжело вздохнув, я вынырнула из воспоминаний, все еще чувствуя отголоски тепла, которые подруга подарила мне в тот день, и с тех пор сделала жизнь в пансионе не просто сносной, а по-своему даже счастливой.

В Лирайне обнаружился стержень, позволивший ей завести дружбу с изгоем, и травля прекратилась, а с годами о ней остались лишь блеклые воспоминания.

Нет, определенно, благополучием самого близкого мне человека я пожертвовать никак не могла.

Глава 18

Надо сказать, что следующая встреча с дияром далась мне с трудом, я шла на нее, как на иголки, не зная, как смотреть ему в глаза. Однако Альтериус вел себя нарочито отстраненно, сделал вид, будто в прошлый раз ничего не произошло, и дышать сразу стало легче.

Мы встречались два раза в неделю, за несколько занятий я наловчилась не только полностью концентрировать внимание на процессе, не обращаясь к посторонним мыслям, но и неплохо продвинулась в контроле истока.

Мне даже удалось самостоятельно выпустить несколько зондов, нестабильных, однако, по словам дияра, вполне работоспособных.

Если быть честной хотя бы перед самой собой, мне стали нравиться эти встречи, я стала даже с нетерпением ждать их. Убеждала себя, что делаю это исключительно ради того, чтобы сблизиться с Альтериусом и получить возможность выполнить миссию. Однако не торопилась ни собирать биоматериал, ни тем более тестировать хворь, которая предполагалась финальным аккордом в поставленной мне задаче.

Дэя внутри меня будто разделилась на две личности: настоящую, которая предпочла занять наблюдательную позицию и упорно отмалчивалась, и выдуманную, искренне заинтересованную в том, чтобы стать настоящим житнетворцем.

Эта вторая Дэйдре, она с каждой встречей проникалась благодарностью к дияру, всегда внимательному и понимающему. Очевидно, что Альтериус прилагал все усилия, чтобы сделать нашу работу максимально безопасной для меня, и это не могло не располагать.

Между редкими занятиями я часами торчала в библиотеке, изучая книги по житнетворчеству, но больше все-таки болтала с Шайлой, истосковавшись по простому человеческому общению.

Не сказать, что мы с ней стали друзьями, но хорошими приятельницами, пожалуй, назвать друг друга могли.

Мне отчаянно хотелось обсудить с девушкой то, чем завершилось мое первое занятие, но я не была уверена, что этот случай не станет камнем преткновения между нами и молчала.

Решилась только однажды спросить, стараясь говорить как можно более непринужденно:

— Как считаешь, я могла бы как-то отблагодарить дияра за его доброту?

Шайла на мгновение замерла и глубоко задумалась.

— Зада-а-а-чка, — наконец протянула она, подняв взгляд к потолку и постучав указательным пальцем по подбородку. — Видишь ли, он из тех людей, которым ничего не нужно. Не то чтобы у него было все, но всего дияру и не надо.

— Понятно, — разочарованно вздохнула я. — Ну, ладно. Ожидаемо, что мне нечего предложить человеку его положения.

— Я думаю, достаточно того, что ты испытываешь искреннюю благодарность, — взгляд Шайлы смягчился. — Поверь, он об этом знает, — девушка замялась и вдруг, оживившись, воскликнула: — О! Думаю, ему было бы приятно, если бы ты проявила к нему внимание, как к личности. Скажем, предложи вместе выпить чаю и поговорить, просто так, не по делу?

С подозрением всматриваясь в лицо Шайлы, я не нашла в нем ни единого намека на моральные терзания, лишь сильнее запутавшись.

Библиотекаря с дияром очевидно связывали какие-то отношения, но какого рода?

— Звучит неплохо, но разве это не будет похоже на... — я замялась, все еще не понимая, стоит ли говорить с девушкой столь откровенно. — Будто я приглашаю его на свидание?

Глаза Шайлы внезапно округлились, а затем она громко расхохоталась.

— Дэйдре, какие любопытные идеи приходят тебе в голову, — произнесла она, все еще посмеиваясь. — Не переживай, уж кто, а любой менталист поймет тебя правильно. Они отли-

чаются от других людей, и многих это отталкивает, но на самом деле делает общение гораздо проще.

Такая мысль мне в голову не приходила, и я крепко задумалась, имеет ли вообще смысл выражать благодарность тому, кто о ней и так знает? И пришла к выводу, что очень даже, возможно больше, чем в любом другом случае.

Мне подумалось, что наверняка менталисты, от которых все ждут понимания без слов, эти самые слова и знаки признательности получают очень редко, а особенно дияр.

За время, проведенное в резиденции, я отчетливо увидела, как уважают его местные, и одновременно сторонятся, чувствуя себя не того полета птицами, что в общем-то неудивительно.

Предложение Шайлы, сперва воспринятое скептически, внезапно заиграло красками, и я твердо решила воспользоваться ее советом на следующем занятии, запланированном тем же вечером. Подумать, правда, оказалось гораздо проще, чем сделать.

Мысленно я представляла, как легко и непринужденно предложу встретиться в неформальной обстановке, а на деле почувствовала, как ускоренно заколотилось сердце, когда взгляд нашел знакомую фигуру, ожидающую меня в одном из вестибюлей южного крыла.

Альтериус стоял у высокого окна и задумчиво смотрел вдаль, заложив руки за спину.

Возможно, так сказались слова Шайлы, но тогда он показался мне одновременно завораживающим и мрачным, но вместе с тем невероятно одиноким.

Будто почувствовав, дияр чуть повернул голову и цепкий взгляд мгновенно нашел меня, заставив пропустить вдох.

Надо ли говорить, что занятие в этот раз далось с небывалым трудом? Поначалу мне никак не удавалось сосредоточиться, и наверное, только ответственность перед тем, что я отнимаю чужое время, помогла в итоге взять себя в руки.

Когда мы закончили, дияр привычно принялся снимать повязку, избегая прикасаться к коже. После того случая он в принципе ни разу не коснулся меня, кроме тех моментов, когда вступал в ментальный контакт.

Рассудив, что сейчас самое время, я нерешительно подняла на Альтериуса взгляд, щурясь от света, и произнесла совсем не то, что хотела:

— Кажется, у меня неплохо получается?

— Более чем, — кивнул дияр и направился к шкафу, продолжив говорить: — Думаю, мы приближаемся к моменту, когда от меня тебе будет мало толку. Освоишься с зондами, и нужно пробовать разные направления. Как разберемся со специализацией, я поищу для тебя хорошего наставника.

Честно говоря, я и сама догадывалась, к чему все идет, и все же почувствовала тянущую тоску от его слов. К ней примешивался тихий ужас осознания, что я не должна испытывать подобного.

Смотря на спину Альтериуса, убирающего ленту на место, я попыталась протолкнуть сквозь горло так и не высказанное предложение, но никак не могла решиться.

— Дэйдре, — внезапно вздохнул дияр, не оборачиваясь, — что ты так боишься сказать?

Как там говорила Шайла? Общение с менталистами проще, чем с другими людьми? Как бы не так!

— Не сказать, я спросить, — в замешательстве пробормотала я и, набрав в грудь побольше воздуха, решила: — Эм... может, выпьем как-нибудь чаю?

Альтериус на секунду замер, а затем обернулся и с интересом вскинул бровь, будто без слов спрашивая, что на меня нашло.

Понимая, как это прозвучало со стороны, я постаралась исправить ситуацию, и торопливо заговорила, закапывая себя еще больше:

— Ты не подумай, я просто очень благодарна тебе за помощь и доброту, и мне хотелось бы узнать тебя лучше... — я осознала, какую чушь несу, и вздохнув обреченно закончила: — В общем, было бы здорово поговорить о чем-то, кроме жизнетворчества.

Взгляд опустился в пол, и казалось, что пригвоздился к нему. Более сумбурных и нелепых слов подобрать было просто невозможно, и мне сразу стало ясно, что идея полностью провалена.

— Думаю, это можно устроить, — внезапно произнес дияр. — Но я не пью чай, предпочитаю кофе.

Изумленно вскинув голову, я посмотрела на него, и глупо произнесла:

— Правда? А я тоже. Просто люди обычно зовут друг друга именно на чай почему-то.

Альтериус тихо рассмеялся, и я невольно застыла, прислушиваясь к его смеху, отчего-то отдающимся теплом в груди.

Кажется, его совершенно не раздражала моя неловкость в ведении разговора, которая при этом поражала меня саму.

Мне всегда легко давалась подстройка под собеседника, за что я не раз получала похвалу от учителей, но с дияром эта способность непонятным образом сходила на нет.

Глава 19

Мы условились встретиться между обедом ужином в кабинете Альтериуса, и когда время стало подходить к назначенному сроку, я снова занервничала.

Измеряя шагами комнату, я то и дело подходила к зеркалу, убеждалась в лихорадочном блеске глаз и понемногу начинала проклинать Шайлу за слишком удавшийся совет.

Я понимала, что занимаюсь совсем не тем, чем должна, однако волнение перед предстоящей встречей сметало напрочь другие мысли и сомнения.

В итоге ноги привели меня к знакомому кабинету даже чуть раньше назначенного времени, а в голове билась тревожная мысль: *«Чем раньше начнем, тем быстрее закончим»*. Странная, с учетом того, что инициатива исходила от меня самой.

Глубоко вдохнув, я постучалась и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь, боясь передумать и позорно сбежать.

К счастью, мне не пришлось застать дияра врасплох, он уже ждал, спокойно сидя в кресле, и читал какую-то книгу, закинув ногу на ногу.

Альтериус сидел вполоборота к окну, и мягкий дневной свет падал так, что подчеркивал четкую линию скул и высокую переносицу, делавшую профиль одновременно утонченным и резким.

Взгляд невольно задержался на длинных пальцах, столь гибких, что они могли бы принадлежать музыканту, и проследил, как они небрежно переворачивают страницу книги, устроенной на колене.

— Ты и правда пришла, — внезапно произнес он, заставив меня вздрогнуть, и поднял взгляд.

— А могло быть иначе? — с губ сорвался нервный смех. — Я ведь сама предложила.

В прошлый раз журнального столика, на котором теперь действительно стояли кофейник и кувшин молока, а также блюдо с миндальным печеньем и сахарница, в кабинете точно не было. По обе стороны от него стояли два глубоких кресла, одно из которых занимал дияр.

По всей видимости, он специально распорядился принести все это сюда, сделав ситуацию еще более неловкой.

— С учетом того, как сильно я тебя напрягаю, не удивился бы, — усмехнулся Альтериус, наблюдая как я чинно усаживаюсь в соседнее кресло. — Само предложение изумляет меня куда больше.

Тяжело вздохнув, я постаралась расслабиться, отпустить контроль над ситуацией, и немного апатично призналась:

— А это одна из причин, по которой идея показалась мне хорошей.

— Хм? — вскинул бровь дияр.

— Думаю, моя реакция скорее привычна тебе, чем наоборот. Даже служащие южного крыла, такие же менталисты, боятся сказать лишнее слово в твоём присутствии, чего говорить об остальных? К тому же, вероятно, люди редко считают необходимым выражать свою благодарность тому, кому о ней и без слов известно. Вот мне и подумалось, что ты, должно быть, очень одинокий человек, — я с осторожностью заглянула в болотные глаза. — Я ошиблась?

— Нет, ты довольно проницательна, — губ Альтериуса коснулась загадочная улыбка. — Даже удивительно, что к менталистике не имеешь отношения. Однако, — он взял в руки кофейник и стал разливать напиток по чашкам, — одиночество, о котором ты говоришь, я выбрал сам. Никто не заставлял меня становиться дияром, и если тебе интересно, я ни о чем не жалею.

— Почему? — спросила я с искренним интересом и бросила в свою чашку пару кусочков сахара. — Будешь?

Альтериус отрицательно качнул головой и пригубил горький кофе, который судя по всему предпочитал.

— Ты ведь видела мое воспоминание, — пожал плечами дияр. — Чувствовала его так, как чувствовал я сам, когда был ребенком. Интересно, как сложилась судьба этого мальчика дальше?

Невольно залюбовавшись тем, как Альтериус с расслабленным любопытством чуть склонил голову к плечу, я медленно кивнула и поспешно спрятала вспыхнувшую неловкость за глотком кофе.

Ароматный напиток чуть обжег язык и небо, а дияр тем временем продолжил:

— Мама осталась жива и быстро пошла на поправку, но это не избавило семью от всех проблем. Зато именно той ужасной весной я понял, как хочу жить и к чему стремиться, а далеко не каждому выпадает такая возможность в столь юном возрасте, — дияр прервался и снова сделал глоток, а затем продолжил: — Вопреки расхожему мнению, врожденный талант — это далеко не все, он есть слишком у многих, поэтому достичь того, что я имею сейчас, было не просто.

— Кто-то всерьез думает, что это может быть легко? — с иронией фыркнула я и отметила, как смягчился взгляд дияра.

— Гораздо больше людей, чем тебе кажется, — усмехнулся Альтериус. — На самом деле, мне грех жаловаться, я ведь отметился тем, что достиг вершины значительно быстрее других. Но до тех пор работал как проклятый в нескольких местах одновременно, еще и скрывал от наставника.

— Но почему?

— Он бы отказал мне в обучении, — пожал плечами дияр. — Мне очень помогал Торгард, мы познакомились как раз будучи подмастерьями у мастера Соррена.

Альтериус замолчал, а я задумчиво перевела взгляд за окно, всмотрелась в горизонт пустошей и снова пригубила напиток.

— Хорошо, что у тебя по крайней мере есть друг, — тихо отметила я, погруженная в собственные мысли.

Мне как никому другому было известно насколько важно, чтобы существовал на свете хоть один человек, который всегда будет на твоей стороне, даже если ты ошибешься и поступишь неправильно.

Чашка дияра звонко ударилась о блюдо, выводя меня из своеобразного транса. Я не сразу поняла, что Альтериус решил встать за чем-то, и еще больше напряглась, когда он обогнул столик, очевидно направляясь ко мне.

Дияр остановился в каком-то шаге, и я невольно вжалась спиной в кресло, почувствовала, как участился пульс, а когда он склонился, оперевшись локтем в подлокотник, и вовсе забыла как дышать.

Кажется, так близко его лицо при ярком дневном свете я видела впервые, только теперь разглядев и едва заметный шрамик у виска, явно полученный еще в детстве, и даже наметившиеся морщины в уголках глаз.

— Дя, твое предложение провести время вместе, — он склонился ближе, настолько, что по телу пробежали мурашки. — Могу я расценивать его как факт, что интересен тебе?

Сердце пропустило удар. Когда он спросил прямо, все детали, что я так старательно игнорировала, стали складываться в единый пазл, в картину неуместных и обреченных чувств, которым не стоило позволять прорасти.

В отчаянии вскинув голову, я заглянула в чарующие глаза с вызовом, наивно надеясь, что таким образом смогу защититься, думая, что обязательно получу спасительный отказ, и спросила:

— А если так, тогда что?

Кровь отхлынула от лица, потому как ответ, что я прочла на лице Альтериуса, оказался совсем не таким, на который мне хотелось рассчитывать.

В потемневших болотах глаз дияра полыхнуло нечто такое, что мое собственное тело онемело, отзываясь покалыванием в кончиках пальцев.

Я могла только наблюдать, как он придвигается еще теснее, утопая и пропадая в напряженном зрительном контакте, который казалось, просто невозможно разорвать самой.

По щеке скользнула прядь его волос, заставив меня сделать прерывистый вдох.

— Тогда не вижу причин сдерживаться, — тихо произнес Альтериус мне на ухо, и впервые я услышала в его голосе такие интонации, от которых стало одновременно и жарко, и страшно.

Глава 20

Дияр на мгновение отстранился, дав лишь секунду на то, чтобы перевести дух. Сознание отчаянно карабкалось вверх под гулкий набат сердца, отдававшийся в ушах, будто пыталось вынырнуть из густой патоки, и мне даже удалось попытаться хрипло прошептать:

— Я пошути...

Альтериус не дал мне закончить. Такая глупая попытка оправдаться перед тем, кто прекрасно знал, что мои слова не были шуткой.

Он чуть прищурился, и тогда мне стало действительно не по себе, потому что в глазах дияра, кажется, не осталось ничего разумного, ни намек на ту осторожность и обходительность, которые он ко мне все это время проявлял.

Я даже не успела понять толком, как это произошло, почувствовала лишь легкое движение воздуха у своего лица, а затем его губы накрыли мои в таком жадном и уничтожающем волю поцелуе, что я не только забыла как дышать, но и, кажется, полностью потеряла себя.

К затылку скользнула прохладная ладонь, но лишь затем, чтобы схватить волосы, сжать их в кулак, и потянуть назад. Дияр заставил меня запрокинуть голову, не отрываясь от моих губ, напротив, лишь углубляя поцелуй, больше похожий на казнь.

Внутри что-то надломилось, с треском распалось на части, возможно, то была моя душа. Разум плавился, в агонии крича, что это неправильно, что мне нельзя это допускать. Плевать на себя, пускай хоть сгорю дотла, но я не имела права так поступать с ним.

Я должна была оттолкнуть его, просто обязана хоть как-то показать, что не хочу происходящего, но вместо этого пальцы, будто по своей собственной воле, легли на сильное предплечье и с силой сжали его, говоря об обратном.

Альтериус на мгновение замер, оторвавшись от моих губ, позволив наконец нормально вдохнуть, но тут же еще сильнее потянул за волосы, и не встретив сопротивления, склонился к шее, с жадностью припав к ней губами.

«Ужасный. Я такой ужасный человек», — прорвалась болезненная мысль сквозь пелену помутненного сознания.

Закрыв глаза, я судорожно выдохнула со всей сладкой и жадной болью, что разрывала меня изнутри противоречиями.

В ту же секунду хватка, которую я, как оказалось, страстно желала, разжалась. Дияр резко отшатнулся и кабинет пронзил звонкий хруст.

Мне понадобилось время, чтобы очнуться, вынырнуть из круговорота чувств и ощущений, а когда мир перед глазами обрел четкие очертания, все отступило на задний план.

Наверное, Альтериусу действительно пришлось сделать усилие, чтобы оторваться от меня. Он отшатнулся столь резко, что оказался вынужден наугад найти опору за собой, и по несчастливой случайности смахнул чашку. Та разбилась и один из осколков поранил кисть.

Быстро вскочив с места, я метнулась к нему, доставая из кармана платок, думая лишь о том, что эти руки ничто не должно ранить.

Вероятно, тогда я совсем не отдавала себе отчет, насколько страшна эта мысль. Не обратила даже внимание, как дияр смотрел на меня, позволив схватить его руку в попытке тканью остановить кровь.

Вдруг грудь сдавило от тяжелой пульсации, и казалось, в унисон ей содрогнулся весь мир. Не понимая, что происходит, я почувствовала, как исток наполняет эфирные артерии с такой силой, какая прежде удавалась лишь под контролем Альтериуса.

К ране из темного комка у сердца хищно рванулось несколько зондов, они замерли, столкнувшись с ощерившейся чернотой, что окутывала дияра, которая тут же отступила, подвластная воле хозяина.

В тот момент я видела ее совершенно отчетливо, ощущала себя, как комнатная собачонка перед матерым волком, только дозволившим к нему прикоснуться.

Когда нити, исходившие из моих рук, проникли Альтериусу под кожу, я впала в состояние, близкое к трансу.

Настоящий мир будто отступил куда-то назад, его место заняло не зрение, нет, я почувствовала каждую клетку его руки, вены, движение крови по ним, мышцы, плотно прилегающие к костям, и даже разрыв тканей там, где осколок фарфора сделал порез.

Желание исправить его походило на зудящую ранку, которую очень хочется почесать, даже если нельзя, однако я не знала, как сделать это и застыла в растерянности.

— Достаточно, Дзя, — спокойно произнес дияр.

Затем его исток, терпеливо ожидающий, пока я копошусь в теле Альтериуса, выдавил из него мои жалкие нити настойчивой волной.

Сердце гулко билось, казалось, прямо в ушах, и мне понадобилось не меньше минуты, чтобы прийти в себя и поднять на дияра ошеломленный взгляд.

— Надо... надо промыть порез и перевязать! — опомнилась я.

— Не бери в голову, — отмахнулся Альтериус, его рука выскользнула из моей, а сам он с интересом склонил голову к плечу. — Само затянется через пару часов, я ведь не обычный человек. Зато мы, вероятно, случайно обнаружили твою специализацию.

— Специализацию? — заторможенно переспросила я.

Слишком много всего произошло за эти несколько минут.

— Рефрагментация материи. Скорее всего, если говорить проще, ты имеешь потенциал к целительству. Это к Хортусу, ты видела его в моих воспоминаниях, — лицо Альтериуса сделалось непроницаемым, и он с привычным спокойствием отошел на пару шагов, посмотрев за окно. — Правда, прежде чем идти в подмастерья, тебе нужно повысить уровень контроля, но со мной это не займет много времени.

Когда накал спал, я вдруг вспомнила, чем мы только что занимались, и тут же почувствовала, как кровь прилила к лицу, а сердце вновь судорожно забилося.

Дияр, стоящий вполоборота, скосил на меня взгляд, не поворачивая головы, и холодок у висков красноречиво подтвердил, что он все чувствует.

— Мне, наверное, стоит уйти, — пробормотала я, не зная куда себя деть, и не к месту добавила, почувствовав себя совсем уж глупо: — Спасибо.

Кажется, в присутствии дияра мне лучше и вовсе не раскрывать рта.

— Дзя, мне не стоило полагаться на твои эмоции вместо слов, приношу извинения, — вдруг произнес он. — Ты можешь сделать вид, что ничего не было, и я тоже забуду.

Казалось, еще больше переживаний мое тело просто не выдержит. Наверное, стоило принять его предложение, и уйти, похоронив всю эту ситуацию глубоко внутри. Однако с губ невольно сорвалось:

— Почему... — я замялась и отвела взгляд. — Не важно. Я пойду.

Я и правда уже начала поворачиваться, чтобы пойти к выходу, но меня остановило настойчивое:

— Нет. Говори.

Замерев, но не обернувшись, я собралась с духом, и все же задала вопрос, на который боялась услышать ответ:

— Почему ты остановился? — мне хотелось сказать это уверенно, но почему-то получилось только шепотом.

— Потому что считаю, что тебе нужно хорошо подумать над этим. Ты ведь знаешь, какие последствия имеет связь с дияром? — он чуть повернул голову в мою сторону и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил. — Не уверен, что не вызову отвращение, позволив себе

больше. Вернее, почти убежден, что именно так и произойдет, а сожалеть ты будешь всю оставшуюся жизнь.

— Почему ты так уверен в этом?

— Потому что не просто так во всем мире нашлось лишь две женщины, которые выбрали дияров по своей воле. Мне, как менталисту, куда лучше дается самоконтроль, чем остальным, но и он не бесконечен. Если бы ты знала, о чем я думаю каждый раз, когда завязываю тебе глаза, сомневаюсь, что позвала бы сегодня «выпить чаю».

От такой откровенности и прямоты у меня перехватило дыхание, и еще труднее стало дышать, когда Альтериус вдруг повернулся и подошел ближе.

Когда дистанция между нами сократилась до шага, я неосознанно чуть отступила назад, и от него это, конечно, не укрылось.

— Я не лучший выбор, Дэя, возможно, даже худший, — с нажимом произнес он, усмехнувшись. — И если ты решишь все же сделать его, то должна это хорошо понимать.

Не знаю, что именно собиралась сказать, но на губы вдруг лег указательный палец дияра, не позволивший это сделать.

— Завтра я уеду на несколько дней, открываем сезон заседаний, — спокойно произнес он, глядя мне в глаза. — Когда вернусь, можешь вести себя как обычно. Или, если посчитаешь нужным, попроси у Торгарда расчет. Я распорядился, чтобы тебе продолжали начислять жалованье, на которое ты рассчитывала, нанимаясь сюда. Вместе с ним он даст направление в резиденцию Хортуса, там тебе тоже смогут помочь, пускай и не так эффективно, как я на данном этапе.

— Но... — все же начала говорить я, однако Альтериус снова перебил:

— Не говори ничего сейчас. Ты не в себе, я ведь чувствую все, что с тобой происходит. Смутившись, я опустила взгляд в пол и смогла лишь с трудом выдать:

— Хорошо.

Подумать мне и правда было над чем, даже слишком.

Глава 21

Альтериус действительно покинул резиденцию следующим утром. Я задумчиво наблюдала, стоя у окна в своей комнате, как он садится в экипаж, запряженный двойкой всхрапывающих и бьющих копытом вороных.

Слава о породе, модифицированной жизнетворцами, успела разлететься по всей империи, эти кони двигались в несколько раз быстрее, долго не уставали, и я знала, что через час дияр будет уже очень далеко.

О сезоне заседаний я знала из отчетов, раз в пару месяцев дияры собирались полным составом для решения государственных вопросов, он делился на две части: приемный, где рассматривались предложения министров, и законодательный.

Для зендарийцев такая система выглядела дико, мы ведь родились в империи и выросли с мыслью, что только один человек способен направлять целый

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.